

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА
МУНИЦИПАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
"ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ"

*"Из пламя и света
рожденное слово"*

*Материалы
Пятнадцатых Лермонтовских чтений*

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА
МУНИЦИПАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
«ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ»

«Из пламя и света рождённое слово ...»

Материалы
Пятнадцатых Лермонтовских чтений
(Ярославль, 13-14 октября 2015 г.)

ЯРОСЛАВЛЬ

2017

«Из пламя и света рождённое слово ...» : материалы Пятнадцатых Лермонтовских чтений. 13-14 октября 2015 г. / МУК ЦБС города Ярославля, ЦБ им. М. Ю. Лермонтова. Ярославль : МУК ЦБС города Ярославля, 2017 – 116 с.

В сборник материалов вошли доклады ежегодных Лермонтовских чтений, которые проходят в рамках Лермонтовских Дней – 2015 в Ярославле, организатором которых выступает Центральная библиотека имени М. Ю. Лермонтова Централизованной библиотечной системы города Ярославля.

Издание адресовано широкому кругу читателей, а также сотрудникам музеев и библиотек, краеведам, любителям русской литературы и культуры.

Составитель, отв. редактор – Ахметдинова С. Ю.

Статьи публикуются в авторской редакции.

***Сборник издан в рамках городской целевой программы
«Развитие культуры в городе Ярославле» на 2017-2019 годы***

© Центральная библиотека имени М. Ю. Лермонтова
муниципального учреждения культуры
«Централизованная библиотечная система города Ярославля»

© Текст – авторы статей

*Есть речи – значение
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.*

*Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.*

*Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рождённое слово;*

*Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.*

*Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.*

М. Ю. Лермонтов. 1939

СОДЕРЖАНИЕ

«ИЗ ПЛАМЯ И СВЕТА РОЖДЕННОЕ СЛОВО ...»

С. Ю. Ахметдинова	6
Г. Ю. Филипповский. «ЕСТЬ РЕЧИ – ЗНАЧЕНИЕ...» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: КОНТЕКСТ И ПОДТЕКСТ.....	16
Т. И. Каличкина. СВАДЕБНЫЙ СЮЖЕТ В КОНТЕКСТЕ ПОВЕСТИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «БЭЛА» («ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»): ПОЭТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА.....	25
О. В. Сахарова. «АНГЕЛИЧЕСКАЯ НАТУРА РУССКОГО ВЫСОКОГО ПАРНАСА» В. Н. ИЛЬИН (1890 –1974) О М. Ю. ЛЕРМОНТОВЕ.....	29
С. Н. Левагина. «... Я БУДУ ДОРОЖИТЬ, КАК ТАЙНОЙ...». ИВАН КОЗЛОВ И ЕГО «ПОВЕРЕННЫЙ СЛУЧАЙНЫЙ МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ».....	39
А. Г. Головачёва. «КАК БУРЯ К НЕБОЛЬШОМУ КОРАБЛЮ...» ЛЕРМОНТОВСКИЙ МОТИВ В «ВИШНЁВОМ САДЕ» А. П. ЧЕХОВА.....	47
Е. Е. Яблонская. «КУРОРТНЫЙ ХРОНОТОП – «КНЯЖНА МЕРИ» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА И РАССКАЗЫ А. П. ЧЕХОВА («ДУЭЛЬ», «ЗЕЛЕНАЯ КОСА» И ДРУГИЕ).....	53
С. Д. Нечай. «Я ЕДУ В СТРАНУ ЧУДЕС ВОСТОК».....	61
В. Н. Соколов-Лермонтов. СУДЬБЫ ЛЕРМОНТОВСКИХ РЕЛИКВИЙ В XIX-XXI ВВ.....	69

<i>Е. Л. Соснина.</i> МОГ ЛИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВ БЫВАТЬ В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ?	78
<i>М. Н. Ланцов.</i> ПРОЕКТ ПЕЧАТНОГО ИЗДАНИЯ «ОБРАЗ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ, ПОРТРЕТЫ». Почему я решил написать данную работу?!	83
<i>Н. М. Улитина.</i> «ВЗГЛЯНИ НА ЭТОТ ЛИК; ИСКУССТВОМ ОН НЕБРЕЖНО НА ХОЛСТЕ ИЗОБРАЖЕН...». Очерк из истории одной из екатеринбургских библиотек.....	88
<i>Н. И. Фондо.</i> МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТРАНИЦЫ ЯРОСЛАВСКИХ ЛЕРМОНТОВСКИХ ЧТЕНИЙ.....	99
<i>Е. А. Белова.</i> ЛЕРМОНТОВСКИЕ ДНИ-2015 В ЯРОСЛАВЛЕ: ПОЕЗДКА В БОРИСОГЛЕБ И СЕМИБРАТОВО	107
<i>И. Х. Шихваргер.</i> ПРИГЛАШЕНИЕ К ЛЕРМОНТОВСКОМУ ВЕЧЕРУ	111
Сведения об авторах.....	113

«ИЗ ПЛАМЯ И СВЕТА РОЖДЕННОЕ СЛОВО...»

Вместо предисловия

Лермонтовские чтения и Дни-2015 в Ярославле прошли с 10 по 15 октября в особый год – Год культуры в России, на который пришлось сразу два и ярославских юбилея. Знаковым год стал для Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова, отметившей 60-летие со дня основания и собравшей под своими сводами читателей и гостей – почитателей таланта великого русского поэта, на Лермонтовские чтения в пятнадцатый раз.

В ярославскую библиотеку съехались гости из разных уголков нашей страны. Форум уже давно перешагнул границы нашей страны и стал международным: за эти годы в число друзей Чтений вошли гости не только из Москвы, Санкт-Петербурга, Ставрополя, Пятигорска, Екатеринбурга, но и из Японии, Израиля, Украины.

Строка Лермонтова «Из пламя и света рождённое слово ...» вдохновила участников лермонтовского форума, придавая сакраментальный смысл традиционно зажжённой свече в память о поэте. На открытии Лермонтовских чтений прозвучали речи от представителей властей города – заместителя мэра по социальной политике Елены Борисовны Волковой, начальника управления культуры Ольги Владимировны Кауровой и депутата муниципалитета Антона Александровича Голицына – и начались слушания учёных, лермонтоведов и краеведов.

Вместе с ведущей всех Лермонтовских чтений Светланой Юрьевной Ахметдиновой, директором библиотеки и Централизованной библиотечной системы города Ярославля, гости и участники юбилейной встречи пролистали самые запоминающиеся страницы Лермонтовского года, побывали в разных городах, где проходили мероприятия,

посвященные 200-летию поэта, в которых принимали самое активное участие.

Лермонтовский год подвиг исследователей творчества к новым поискам и открытиям, всколыхнул интерес к малоизученным или забытым страницам жизни и творчества поэта.

Эльмира Маратовна Афанасьева, доктор филологических наук, начальник управления инновационной деятельности и непрерывного образования Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина (Москва) обратилась к анализу стихотворений Лермонтова и православной молитвы. Её доклад «Молитвенный дискурс в сборнике стихотворений М. Ю. Лермонтова 1840 г.» слушали с особым вниманием. «Одну молитву чудную твержу я наизусть» – повторяем мы вслед за поэтом – и с каждым новым прочтением, взрослея, осознаем умом и душой, постигая высший смысл предназначения человека через слезы, через веру. Неслучайно в «Казачьей колыбельной» мать учит молиться маленького сына, что называется с молоком матери, приучая к повседневному ритуалу, понимание которого придёт позже.

Одно из рассмотренных Э. М. Афанасьевой лермонтовское стихотворений – «За все тебя благодарю» – оказалось в центре внимания и **Мамеда Хаджихалиловича Халилова**, члена Ярославского отделения Союза писателей России из посёлка Пречистое Ярославской области. Его доклад «Две стихии в одной судьбе. Романтизм и реализм в творчестве М. Ю. Лермонтова: антитезы как творческий метод преодоления противоречий» давал несколько иную точку зрения на эти строки. Если учёный из Москвы рассматривает адресата лермонтовского послания – Бога (в рукописях слово «Тебя» написано с большой буквы), то, по мнению Мамеда Хаджихалиловича, герой обращается всё-

таки к даме, в полном соответствии с традициями романтизма.

М. Х. Халилов считает, что «Песня о купце Калашникове» созвучна судьбе Пушкина, отстаивавшего честь Прекрасной Дамы даже ценой собственной жизни. Если с этой точкой зрения согласятся не все, то ответ на вопрос, почему же так любят Лермонтова в России, почему его читает и молодежь, споров не вызовет. Поэт дает ответы на многие вопросы, мучающие молодых людей, причём, прямых ответов нет, всегда остается тайна, возможность размышлять и спорить с поэтом и с самим собой. По стихам Лермонтова прослеживаются все этапы взросления – от невинного ребенка к подростку с его бескомпромиссностью и страстями, от «юноши бледного со взором горящим» к мужчине, для которого слово «честь» – не пустой звук.

Тамара Игоревна Каличкина, магистрант Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина (Москва), представила фольклорную сторону лермонтовского творчества, обратившись к свадебному сюжету в контексте повести «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, в главе «Бэла».

На примере хронологии стихов Лермонтова, посвященных Востоку, **Светлана Дмитриевна Нечай**, библиотекарь Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова (Ярославль), подготовила обзор-очерк русской ориенталистики в представленном исследовании «Я еду в страну чудес Восток».

Ещё два выступления объединило сравнение творчества и сюжетов Лермонтова с творениями поэтов-современников. Лермонтов и Пушкин встали рядом в исследовании «Волшебные звуки. «Жил на свете рыцарь...» А. С. Пушкин. «Есть речи – значение...» М. Ю. Лермонтов» доктора филологических наук **Германа Юрьевича**

Филипповского, профессора Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского (Ярославль). Постоянный участник чтений **Светлана Николаевна Левагина**, ведущий методист Ярославской областной юношеской библиотеки имени А. А. Суркова, в своём докладе «...Я буду дорожить, как тайной...». Иван Козлов и его «поверенный случайный» Михаил Лермонтов открыла ещё одно имя из лермонтовского круга – поэта и переводчика И. И. Козлова, отец которого происходил из рода рыбинских дворян Хомутовых, потомков шотландских графов Гамильтонов, несколько выбивался из этого ряда.

Ещё одну тему о взаимосвязи поэтов М. Ю. Лермонтова и К. В. Васильева рассмотрела **Людмила Владимировна Зверева**, заведующая музеем-квартирой Константина Васильева из поселка Борисоглебский, сравнив образы инобытия души в лирике этих поэтов. В творчестве К. В. Васильева есть несколько эссе, посвящённых М. Ю. Лермонтову, а в личном архиве Константина Владимировича имеются более 160 рукописных листов о творчестве Лермонтова, есть газетные публикации.

Своеобразным итогом литературоведческой темы первого дня стало выступление **Марии Александровны Цидеаевой**, магистрантки Российского педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург). В её сообщении Лермонтов зазвучал по-французски. Мария Александровна рассказала об особенностях пунктуации франкоязычных писем М. Ю. Лермонтова и процитировала несколько строф франкоязычных стихов поэта. Она отметила особенность лермонтовских стихотворений, написанных им на иностранных языках, в которых появлялись длинные, сложные предложения с обилием самых различных знаков препинания, помогающих донести каждую мысль.

Два известных чеховеда в юбилейный год поэта

провели сравнительный анализ произведений Лермонтова и Чехова. Известно, как Чехов ценил Лермонтова, удивлялся его таланту точной и образной речи, созданию интересных образов и сюжетов. Лермонтовское влияние заметно и своеобразно отразилось в творчестве Чехова.

Так, **Алла Георгиевна Головачёва**, старший научный сотрудник отдела по изучению и популяризации творческого театрального наследия А. П. Чехова Государственного центрального театрального музея имени А. А. Бахрушина (Москва) в своём докладе «Как буря к небольшому кораблю...» Лермонтовский мотив в «Вишнёвом саде» А. П. Чехова» утверждает, что чеховский образ Епиходова (имевшего прозвище 22 несчастья) – это ироническое преломление темы романтического одиночества Лермонтова. В поэзии Лермонтова челн, корабль – символ гонимого бурями одинокого человека, а образ лодки в буре – мотив покорности судьбе. И, если Лермонтовский образ – чаще романтический, высокий, то чеховский – намеренно принижённый. Важным наблюдением поделилась Алла Георгиевна: одинокий, «разлаженный» Епиходов – единственный герой пьесы, который остаётся при деле и после продажи сада.

О Чехове и его рассказах, сравнивая их с прозой Лермонтова, говорила гостья из Москвы – **Елена Евгеньевна Яблонская**, соискатель Литературного института имени А. М. Горького, член Союза писателей России (Москва). «Курортный хронотоп» представлен докладчиком на примере «Княжны Мери» М. Ю. Лермонтова и чеховских рассказов «Дуэль», «Зеленая Коса» и других. Если у Лермонтова в постоянном поединке находятся мужчины и женщины, то у Чехова дуэль идёт, прежде всего, между носителями разных мировоззрений, а чеховские герои имеют явное сходство, только с большей долей иронии.

Наталья Михайловна Улитина, аспирант кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург) в своем сообщении «Взгляни на этот лик; искусством он небрежно на холсте изображён...»: рассказала об истории екатеринбургской библиотеки, которая утратила имя Лермонтова в 90-е годы ушедшего столетия, и о личном расследовании пропавшего из неё портрета поэта.

Владимир Николаевич Соколов-Лермонтов, из рода Лермонтовых, преподаватель краевого художественного училища (Ставрополь), стал заочным участником чтений. В сообщении «Судьбы лермонтовских реликвий в 19-21 вв.» поднимает проблему работы с документальными первоисточниками и мемориальными предметами. К сожалению, замечает потомок рода Лермонтовых, первоисточники плохо исследованы, с ними мало кто работает. Например, не изучена коллекция внучатого племянника поэта Владимира Михайловича Лермонтова. Возможно, при более внимательном изучении учёных ждут сенсации.

Заочное сообщение **Екатерины Леонидовны Сосниной**, кандидата исторических наук, доцента кафедры социально-гуманитарных наук Государственного Технологического университета, научного сотрудника Государственного музея-заповедника Лермонтова (Пятигорск) стало сенсационным и обсуждаемым. Учёный на примере лермонтовской работы «Парус» рассуждает на тему, мог ли М. Ю. Лермонтов бывать в Ярославской губернии, в Переславле. Вместе с бабушкой Мишель бывал в паломнических поездках в Троице-Сергиевой Лавре, о чем есть и документальные свидетельства. А Переславль – город православных монастырей и храмов находится в 70 км от

Сергиева Посада. Возможно, написание детской работы парусника на водных просторах только напоминает переславское Плещеево озеро или связано с другой историей. Однако, Лермонтов изобразил город, удивительно похожий на Переславль тех лет, а современная фотография с поразительной точностью подтверждает догадку художника.

На Лермонтовских чтениях состоялись презентации сразу нескольких **проектов Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова.**

Библиограф **Михаил Николаевич Ланцов** представил книгу-каталог **«Образ М. Ю. Лермонтова в изобразительном искусстве: Портреты»**, подготовленную к печати. Здесь собраны многие прижизненные и посмертные портреты, работы современных художников. Читатель найдёт в каталоге справку об авторах работ и местонахождении полотен. Благодаря такому собранию лермонтовских портретов под одним переплётом, читатель сам может составить свой образ Лермонтова.

Наталья Ивановна Фондо, главный библиотекарь Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова (Ярославль), осветила **международные страницы истории ярославских Лермонтовских чтений.**

Отметим, что к Лермонтовским Дням-2015 в Ярославле постоянно действующие выставки «Лермонтовский свет на Ярославской земле» и «Книги с автографами из Лермонтовского фонда Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова» пополнились новыми документами. К важному лермонтовскому событию была приурочена выставка работ учащихся детской школы искусств № 4 города Ярославля. На ней были представлены лучшие рисунки, участвовавшие в IV областном конкурсе «Листая страницу за страницей», посвященном 200-летию М. Ю. Лермонтова. На презентации выставки 15 октября в

Центральной библиотеке воспитанники Детского дома музыкально-художественного воспитания имени Н. Н. Винокуровой смогли познакомиться с интересными работами своих сверстников и стать участниками творческого процесса, приобщиться к лермонтовской поэзии.

Старт Лермонтовским Дням был дан 10 октября просмотром и обсуждением короткометражных художественных фильмов по произведениям М. Ю. Лермонтова, снятых режиссёром Петром Чардыниным ещё до революции. В **Лермонтовском кинозале** обсуждали фильмы "Боярин Орша" (по мотивам одноименной поэмы, 1909 год), "Вадим" (по мотивам одноименного неоконченного исторического романа, 1910 год), "Бэла" (глава первой части "Герой нашего времени", 1913 год).

Незабываемое впечатление читателям подарила **поэтическая композиция «Из пламя и света рождённое слово»**, состоявшаяся 11 октября в Лермонтовке. Стихи Лермонтова исполнили студенты Ярославского театрального института: Артём Абовян, Филипп Душин, Сергей Луняка, Иван Пыхтин, Александр Сигуев (курс Олега Леонидовича Нагорничных). Вечере, дополняя поэтическую композицию, приняли участие певец Константин Грибанов и музыкант, один из лучших скрипачей Ярославского симфонического оркестра Михаил Поляков. Вдохновенное приглашение на встречу библиотекаря **Ирины Хоновны Шихваргер** также вошло в настоящий сборник.

Неотъемлемой частью Дней стали **лермонтовские поездки**, связанные с именами земляков-поэтов, тесно общавшихся и изучавших творчество Лермонтова: в Семибратово – почтить память Олега Пантелеймоновича Попова, спасшего Домик Лермонтова в Пятигорске, и в посёлок Борисоглебский – в музей-квартиру К. Васильева с посещением его могилы. Константин написал для дома-музея

М. Ю. Лермонтова в Пятигорске исследование о романе «Герой нашего времени». В 2015 году впервые в рамках Лермонтовских Дней была организована поездка **«В гости к поэту Константину Васильеву»** с посещением музея-квартиры поэта Константина Васильева и его могилы. В сфере интересов борисоглебского поэта Лермонтов занимал одно из центральных мест; говорил о себе: «...начинал как романтик, как робкий ученик Байрона и Лермонтова». Свидетельством глубокого влияния Лермонтова на творчество Васильева являются его дневниковые записи, где на многих страницах упоминается любимый поэт: «В 1975 году я уже начал понемногу интересоваться поэзией – страшно полюбил поэзию Лермонтова».

Поэзия Константина Васильева наполнена Лермонтовым, то он вступает в диалог, то цитирует, то перефразирует поэта, то ставит строки в качестве эпиграфа, то включает их в ткань собственных стихов...

Давно не выхожу я на дорогу,
А если выйду – тороплюсь назад.
Пустыня? – но она не внемлет Богу.
И звезды меж собой не говорят.
А путь кремнистый не выводит к миру...

Яркими впечатлениями о посещении этих мест делится наш спецкор **Елена Александровна Белова**, сотрудник библиотеки имени А. П. Чехова.

В Покров, накануне дня рождения поэта, гостей и читателей библиотека пригласила на долгожданный Лермонтовский Бал-маскарад с участием клуба исторической реконструкции и ролевого взаимодействия «Зазеркалье» (руководитель Елена Стратилатова, Ярославль). В разнообразной программе были исторические танцы, мастер-классы, литературное гадание, ребусы. В этот день каждый

мог встретиться с лермонтовскими героями и выбрать себе вместе с маской любую предложенную роль на Бале-маскараде.

15 октября 2015 года в День рождения великого русского поэта Лермонтовка приняла участие в **III Межрегиональной акции «День лермонтовской поэзии в библиотеке»**. Литературная эстафета, в которой приняли участие 82 человека, продолжалась с 10-ти утра до 19 часов вечера. Акция подтвердила, что стихи Лермонтова очень популярны среди ярославцев и почти каждый читатель без труда вспоминал любимые строчки из стихотворений поэта и вписывал их в «Летопись любимых строк». Библиотекари предлагали всем желающим прочитать любимые стихи, выбрав из томика Лермонтова. Лермонтовский рейтинг поэтических предпочтений ярославцев выявил самые цитируемые строки: «Выхожу один я на дорогу», «Ночевала тучка золотая...», «Да, были люди в наше время...», «Погиб поэт! Невольник чести...», «Белеет парус одинокий», «За все, за все тебя благодарю...», «Они любили друг друга так долго и нежно...», «По небу полуночи ангел летел». Самым любимым произведением оказалась поэма «Мцыри» с её мятежным и трагическим героем.

Все возрасты и поколения оказались объединенными одной любовью – любовью к творчеству великого поэта. Лермонтова знают и помнят. А коллектив Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова верит, что её покровитель даст вдохновение на новые интересные свершения.

*Светлана Ахметдинова,
директор Централизованной библиотечной
системы города Ярославля,
Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова*

**«ЕСТЬ РЕЧИ – ЗНАЧЕНИЕ ...» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА:
КОНТЕКСТ И ПОДТЕКСТ**

Известное стихотворение великого поэта «Есть речи – значение...» обычно включено в собрания сочинений М. Ю. Лермонтова под широкой датой 1837–1841 гг. [4] И не случайно, – оно известно в трёх редакциях, первая из которых датирована 4 сентября 1839 года. Речь идёт о тексте, вписанном в альбом Марии Арсеньевны Бартеневой (1816–1870), фрейлины императорского двора, сестры Прасковьи Арсеньевны Бартеневой, хорошей знакомой поэта, которой, в свою очередь, были посвящены стихотворения Лермонтова «Слышу ли голос твой...», «Как небеса твой взор блистает..» и «Она поёт и звуки тают...». [6]

Вот текст этой I редакции – вписанного в альбом фрейлины стихотворения:

Есть речи – значение
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слёзы разлуки,
В них трепет свиданья.

Надежды в них дышут,
И жизнь в них играет...
Их многие слышат,
Один понимает.

Лишь сердца родного
Коснутся в день муки
Волшебного слова
Целебные звуки;

Душа их с молением,
Как ангела встретит,
И долгим биеньем
Им сердце ответит.

Известный лермонтовед Ирина Сергеевна Чистова в своём комментарии к изданию сочинений М. Ю. Лермонтова привела тексты всех трёх редакций обсуждаемого стихотворения [4, с. 187, 685 - 686]. Вторая редакция была напечатана в журнале «Отечественные записки» (1841, № 1). Этот текст, принятый сейчас в качестве канонического, лично был передан поэтом издателю А. А. Краевскому по приезду из Царского села в Санкт-Петербург:

Есть речи – значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слёзы разлуки,
В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рождённое слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

Третья редакция этого же стихотворения издана позже,

в сборнике «Вчера и сегодня» (кн. 2, СПб., 1846) под названием «Волшебные звуки»:

Есть речи – значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слёзы разлуки,
В них трепет свиданья.

Их кратким приветом,
Едва он домчится,
Как Божиим светом
Душа озарится.
Средь шума мирского
И где я ни буду,
Я сердцем то слово
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечаю,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу

Надежды в них дышат,
И жизнь в них играет, –
Их многие слышат,
Один понимает.

Лишь сердца родного
Коснутся в дни муки
Волшебного слова
Целебные звуки.

Душа их с волненьем,
Как ангела, встретит,
И долгим биеньем
Им сердце ответит.

История текстов стихотворения «Есть речи – значенье Темно иль ничтожно...», его вариантов отчётливо указывает на своеобразную переключку, лучше сказать, диалогичность как ведущий приём в стиховой поэтике Лермонтова. Гениальность её поэтической диалоговой структуры соотносительна с определением великого теоретика мировой литературной культуры Михаила Михайловича Бахтина, заключившего в одной формуле природу Предвечного Слова: «Конципирование Словом своего предмета диалогично». [1, с. 92–93]

Действительно, диалогичны не только соотносительные редакции-варианты обсуждаемого стихотворения Лермонтова, т. е. контекст, но и подтекст – внутренние, внутритекстовые словесные связи и взаимодействия всех трёх вариантов: «...значенье темно иль ничтожно...», «...в них слёзы разлуки, в них трепет свиданья», «...из пламя и света рождённое слово...». Разумеется, стиховая парность касается, прежде всего, диалогичности рифм «значенье – волненье», «звуки – разлуки», «желанья–свиданья». Особо подчеркнута, как бы пророчески предвеля прозрения М. М. Бахтина [1], диалогическая природа Слова в ассиметрично построенной Лермонтовым третьей строфе канонической редакции «Есть речи – значенье...». Диалоговая асимметрия слова в 3-ей строфе предварена, оговорена отрицательным диалогическим контекстом первых двух строк: «Не встретит ответа Среда шума мирского...». Затем эта уже грамматическая асимметрия выражена в коррелятивной М. М. Бахтину формуле природы Слова: «Из пламя и света рождённое слово».

Грамматическая аномалия («пламя» вместо «пламени») была замечена ещё самим Лермонтовым – ему указали на неё в редакции А. Краевского (по воспоминаниям писателя, мемуариста И. И. Панаева, свидетеля разговора Лермонтова с Краевским). Поэт, как пишет И. С. Чистова, «пытался исправить «маленький грамматический промах, неправильность» в этом стихе, но не нашёл соответствующей замены» [4]. Скорее всего, речь должна идти не об «ошибке,

неправильности грамматического словоупотребления поэта», а о сознательном использовании двух коррелятивов, парных диалоговых слов-понятий «из пламя и света», где речь идёт о неординарности, алогичности словоупотребления понятий из категории базовой диалогической природы Слова – «свет» и «пламя».

Подобная, казалось бы, «алогичная» диалогичность связывает полустрофы начальных стихов обсуждаемого текста: «Есть речи – значенье Темно иль ничтожно, Но им без волненья Внимать невозможно». Или же половины 3-ей строфы: «Не встретит ответа Средь шума мирского Из пламя и света

Рождённое слово». Как и в первой строфе, значения мирские (обыденные) диалогически и контрастно противопоставлены языку души – внутренних переживаний лирического героя [3]: «Есть речи – значенье Темно иль ничтожно, Но им без волненья Внимать невозможно». В четвёртой строфе канонического текста, в первой же её строке диалогично соотнесены контрастные «храм» и «бой». А в последней 5 строфе та же диалогическая пара (храм-бой) послужила основой текстовой архитектоники соотнесённых диалогично полустроф: «Не кончив молитвы, На звук тот отвечу, И брошусь из битвы Ему я навстречу».

Драматизм контрастной диалогической ситуации в стихах Лермонтова часто служит основой внутритекстовой диалогической архитектоники стихов или строф. Таково, например, строение «На смерть поэта», где вторая половина, дописанная чуть позже, «А вы, надменные потомки...», не только диалогичная по отношению к гонителям Пушкина, но и диалогична по связи с первой частью произведения в целом. Л. Г. Фризман в статье, посвящённой обсуждаемому стихотворению «Есть речи – значенье...», в журнале «Филологические науки» и в «Лермонтовской энциклопедии» [10, с. 158] отмечает основные его темы ещё в ранних произведениях Лермонтова «К Д.» (1831): «Есть слова – объяснить не могу я» и «К*» (1832). Поэтический мотив всевластия Слова, как отмечает Т. П. Голованова [5, с. 208–209], диалогично отзывается в лирике раннего и зрелого

Лермонтова в качестве одного из лейтмотивов его поэтического творчества. Б. М. Эйхенбаум в своей работе «Мелодика русского метрического стиха. III. Пушкин, Тютчев, Лермонтов» [9, с. 409–415] делает очень точные наблюдения: «Он (Лермонтов – Г. Ф.) лихорадочно бросается от одних форм и жанров к другим, делая опыты сразу и в лирике, и в поэме, и в драме (в стихах и в прозе), и в повести. И он всегда недоволен, он **всегда возвращается к прежним опытам**, начиная заново, вставляя старые куски и придумывая новые положения для своих героев... На нём тяготеет груз поэтических традиций, он связан прошлым, которое уже окрепло, устоялось. Он напрягает русский язык и русский стих, стараясь придать ему новое обличие, сделать его острым и страстным. ... Для Лермонтова характерны двупланность и строфический параллелизм».

Что касается контекста и подтекста стихотворения «Есть речи – значение...», то необходимо указать на соотносительность с его текстом более раннего, написанного ещё в 1832 году стихотворения «К*» («Прости! мы не встретимся боле...»). Приведём его полностью, обратив особое внимание на вторую его часть..

1

Прости! – мы не встретимся боле,
Друг другу руки не пожмём;
Прости! – твоё сердце на воле...
Но счастья не сыщет в другом.
Я знаю: с порывом страданья
Опять затрепещет оно,
Когда ты услышишь названье
Того, кто погиб так давно!

2

Есть звуки – значение ничтожно
И презрено гордой толпой –
Но их позабыть невозможно:
Как жизнь, они слиты с душой;
Как в гробе, зарыто бывшее
На дне этих звуков святых;
И в мире поймут их лишь двое,
И двое лишь вздрогнут от них!

Мгновение вместе мы были,
 Но вечность – ничто перед ним;
 Все чувства мы вдруг истощили,
 Сожгли поцелуем одним;
 Прости! – не жалея безрассудно,
 О краткой любви не жалея
 Расстаться казалось нам трудно,
 Но встретиться было б трудней!

Стихотворение написано в августе 1832 г. перед отъездом из Москвы в Петербург, обращено скорее всего к В. А. Лопухиной (есть версия, что – к Н. Ф. Ивановой). Подчёркнутая диалогичность этого лирического послания обсуждает мотив «невстречи». Однако, уже здесь мотив расставания акцентируют диалогическую контрастность «мгновения» – «вечности». На фоне этого предвечного контекста впервые (но затем – повторено в стихотворении 1839 г. «Есть речи – значенье...») контрастно соположены двуступенчатая вторая часть: «Есть звуки – значенье ничтожно И презрено гордой толпой – Но их позабыть невозможно: Как жизнь, они слиты с душой». Вдобавок, здесь отмеченные «звуки» не только «слиты с душой», но названы: «...этих звуков **святых**». Тем самым, как бы пробрасывается возможная диалогическая связь с мотивами «храма» – «молитвы» заключительных строк стихотворения 1839 г. «Есть речи – значенье...» [6].

Диалогические связи последнего из названных произведений 1839–1841 гг. уходят корнями не только в контекст и подтекст приведённых строк «К*» 1832 г., но и – к ранним произведениям совсем юного Лермонтова времён Благородного пансиона Московского университета. Вот одно из этих ранних стихотворений [2, с. 122]:

Холодной буквой трудно объяснить
 Боренье дум. Нет звуков у людей
 Довольно сильных, чтоб изобразить
 Желание блаженства. Пыл страстей
 Возвышенных я чувствую: но слов

Не нахожу и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь
Хоть тень их перелетит в другую грудь.

Диалогическая звукопись стихов не как простые созвучья слов, но их высшая предвечная связь с опорой, по-Бахтину, на их природную диалогичность, – всегда с юных лет волновали Лермонтова и определяли его поэтическое самосознание гения [7]. Не случайно спустя несколько лет после приведённого выше текста (особенно его строк «слов не нахожу», – сравним у В. А. Жуковского «Невыразимое» [8], а много позже у – А. Г. Горнфельда «Муки слова» [2]) он преломится в реплике поэта во французском письме к М. А. Лопухиной: «Право, следовало бы, когда пишешь, ставить ноты над словами...». [2, с. 123] Конечно, не случайно издатели 1846 г. стихотворения «Есть речи – значенье...» предпослали ему заглавие «Волшебные звуки», поскольку «Не встретит ответа Средь шума мирского Из пламя и света Рождённое слово». И всё же оно, это предвечное Слово, обладает диалогической (как бы волшебной!) природой, поскольку из пространства молитвы лирический герой [3] ответит на него своим жертвенным порывом: «Не кончив молитвы, На звук тот отвечу, И брошусь из битвы Ему я навстречу» [6].

Ирина Михайловна Семенко, один из наиболее тонких и глубоких исследователей поэзии романтизма, говоря о творчестве В. А. Жуковского, писала, что он «разработал совершенный метод передачи в поэзии человеческого переживания, поскольку место человека в мире весьма значительно». [8, с. 103] Лермонтов, глубочайший лирик, шёл по стопам не только Пушкина, но и Жуковского, в понимании которого «человеческое сознание – тончайший инструмент для контакта с внешним миром, в разнообразных его проявлениях, будь то скрытая от человека тайная жизнь мира (и Слова – Г. Ф.), будь то любые исходящие от него сигналы – его звуки..., его вечные ценности добра и красоты». [8, с. 103–108]

Эта тайная жизнь Слова, постижению которой

открыты душа и сердце Поэта-романтика [7], его Поэзия, и составила предмет диалогически-ориентированного лирического этюда М. Ю. Лермонтова «Есть речи – значение...». И. М. Семенко, кроме того, делает и другое крайне важное наблюдение касающееся в частности, глубинного понимания заключительного двустушия второй редакции обсуждаемого стихотворения: «Не кончив молитвы,

На звук тот отвечу, И брошусь из битвы Ему я навстречу». Тайное в жизни и природе Слова «может быть замечено (поэтом) лишь при определённых условиях – при условиях сдержанно-экзальтированного душевного состояния, когда поэт слышит, как сотрясается тишина от падения листка..., когда сознание обострённо фиксирует и осмысляет видимое». [8, с. 103–108]

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 92–93.
2. Горнфельд А. Г. Муки слова // Вопросы теории и психологии творчества. Сост. Б. А. Лезин. – Харьков, 1907. – С. 122.
3. Гинзбург Л. Я. О лирике. – М.-Л., 1964.
4. Лермонтов М. Ю. Сочинения. Т. 1. Сост. и комм. И. С. Чистовой. – М.: Худож. лит., 1988. – С. 187–686. (Тексты М. Ю. Лермонтова и комментарии И. С. Чистовой цитируются по данному изданию).
5. Лермонтовская энциклопедия. Гл. ред. В. А. Мануйлов. – М., 1981.
6. Ломинадзе С. 1) «Не кончив молитвы...» // Вопросы литературы. – 1970. – № 1; 2) Поэтический мир Лермонтова. – М., 1985.
7. Манн Ю. В. Русская литература XIX в. Эпоха романтизма. – М., 2007. – С. 306–318.
8. Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского. М., 1975. – С. 103–108.
9. Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского метрического стиха. III. Пушкин. Тютчев. Лермонтов // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. – Л., 1969. – С. 409.
10. Фризман Л. Г. 1) Есть речи – значение... // Лермонтовская энциклопедия. Гл. ред. В. А. Мануйлов. – М., 1981. – С. 158; 2) Есть речи – значение... // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1971. – № 4. – С. 27–37.

Т. И. Каличкина
научный руководитель –
Э. М. Афанасьева
Москва

**СВАДЕБНЫЙ СЮЖЕТ В КОНТЕКСТЕ ПОВЕСТИ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «БЭЛА»
(«ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»): ПОЭТИКА И
ПРОБЛЕМАТИКА**

Прежде чем приступить к анализу, отметим, что глава «Бэла» из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» мало кем рассматривалась в контексте диалога кавказской и русской свадебной обрядности.

Целью работы является анализ эпизода знакомства Печорина с Бэлой и выявление роли особенностей русского и кавказского менталитетов в поэтики романа.

Краткий анализ эпизода описания свадьбы на Кавказе Максимом Максимычем присутствует в работе В. А. Мануйлова «Роман М. Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”. Комментарий». [1, с. 93] Он адаптирует кавказские национальные понятия для русского читателя, давая им толкования. Исследователь также ссылается на книгу Н. Семенова «Туземцы Северо-Восточного Кавказа», в которой описываются кумыкские свадебные обряды, проходившие в доме невесты и совпадающие с описанием Максима Максимыча.

Свадебный обряд, независимо от национальных особенностей, строится по схожей для всех народов схеме, различаются лишь дефиниции традиций, выполняющих подобные функции в свадебных обрядах разных народов.

В романе М. Ю. Лермонтова повествование истории о Печорине и Бэле ведется с одной стороны от лица очевидца событий Максима Максимыча, с другой, от странствующего офицера, ведущего путевые заметки. Примечательно, что Максим Максимыч более 10-ти лет служит на Кавказе, и является носителем не только славянской культуры, но и просвещенным человеком в области Кавказских традиций.

Рассказчик особенно акцентирует на этом внимание в фрагменте после рассказа Максима Максимыча об убийстве отца Бэлы Казбичем, по той причине, что «Азамат с согласия отца украл у него лошадь». «Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить».

Максим Максимыч, выражая наблюдения автора за горцами, при описании свадебного обряда проводит параллель между русскими и кавказскими традициями. Особенно акцентируя внимание на составе приглашенных: «У азиатов, знаете, обычай всех встречных и поперечных приглашать на свадьбу». В традиционной русской свадьбе приглашались только родственники и близкие друзья, а уже во время празднования свадьбы объезжали окрестные дома для оповещения о произошедшем событии. Формы извещения оказываются различными для русских и кавказских свадеб, но цель одна – сообщить как можно большему количеству народа о совершении свадебного обряда. В кавказской свадьбе, по словам автора, для друзей, или по местному «кунаков», существует отдельная комната – «кунацкая», в русской традиции гости не распределяются по отдельным локусам, но могут выполнять различные роли: дружки, свидетелей, свахи и т.д.

Далее рассказывается о том, что происходит в кунацкой, т.е. в комнате для близких друзей. «Начинается, по-нашему сказать, бал. Бедный старикашечка бренчит на трехструнной...забыл, как по-ихнему...ну, да вроде нашей балалайки, девки и молодые ребята становятся в две шеренги, одна против другой, хлопают в ладоши и поют. Вот выходит одна девка и один мужчина на середину и начинают говорить друг другу стихи на распев, что попало, а остальные подхватывают хором. / К нему подошла меньшая дочь хозяина, девушка лет шестнадцати, и пропела ему...как бы сказать?... вроде комплимента. “Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на них серебром выложены, а молодой русский офицер стройнее их, и галуны на нем золотые. Он как тополь между ними”». Данная традиция связана с комплиментарными обрядовыми жанрами,

навеличивающими участников свадьбы. Для Бэлы комплиментарная песня, исполненная Печорину, органичный эпизод свадебного обращения к гостю – новичку. Для Печорина слова Бэлы явились признанием в симпатии. Таким образом эпизод на свадьбе становится не только знакомством Бэлы и Печорина, но и завязкой к будущему любовному сюжету.

Описание свадьбы старшей сестры Бэлы необходимо для включения в культуру, в которой находятся герои главы. Далее на протяжении всего повествования свадебная тема служит мотивацией поступков Казбича и Бэлы.

Кавказским женихом Бэлы является Казбич, но, так как у него нет калыма, он не может жениться на ней. Таким образом, обрядовые функции жениха со стороны Казбича оказываются нереализованными.

Печорин в какой-то степени повторяет поведение жениха на Востоке: знакомится с девушкой на свадьбе её сестры, отдает брату Бэлы Азамату коня в качестве калыма. Но это не настоящая, пародийная кража девушки, так как она не завершается свадьбой.

Печорин имитирует поведение джигита, но является псевдоджигитом, носителем иной культуры, героем, еще не успевшим, подобно Максиму Масимычу, «впитать» восточные традиции.

Бэла позиционирует себя как жертва, называя себя «рабой» Печорина. Трагическая развязка неизбежна для неё, так как по законам Кавказа девушка, сбежавшая с молодым человеком, но так и вышедшая за него замуж, нарушает поведение невесты и подвергается изгнанию из семьи. [2, с. 62]

Максим Максимыч, рассказывая о похищении Бэлы Казбичем, не называет причины убийства Бэлы: «Он что-то закричал нам по своему и занес над нею кинжал... Медлить было нечего: я выстрелил, в свою очередь, наудачу; верно, пуля попала ему в плечо, потому что вдруг он опустил руку...». Из приведенной цитаты видно, что Максим Максимыч и Печорин не поняли, что крикнул Казбич, по предположению Максима Максимыча рука с занесённым

кинжалом опустилась из-за ранения в плечо. Исходя из вышесказанного, истолкование эпизода убийства Бэлы может иметь несколько смыслов:

1. Совершение ритуального похищения девушки Казбичем вводит в традиционную обрядность кавказской свадьбы.

2. Казбич решил спасти Бэлу от рук Печорина, так как Печорин является представителем иной культуры и вероисповедания, следовательно, по канонам Кавказа не может являться законным женихом Бэлы.

3. Таким образом, убийство Бэлы носит черты ритуального убийства, связанного с мотивом спасения от инокультурного позора.

Феномен несостоявшейся свадьбы является лейтмотивом во всем романе. М. Ю. Лермонтов и нарушает не только биографическую хронологию, но и сюжетную канву, свойственную литературным произведением, помещая свадебный сюжет в начало романа. Согласно же классическому сюжетному построению повествование завершается свадьбой.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Байдаева, Б. Д. Свадебный обряд в контексте этнической культуры народов Северного Кавказа. – Грозный: 2009. – 152 с.
2. Геннеп, Ван А. Обряды перехода. – М.: Восточная литература, 1999. 198 с.
3. Мануйлов, В. А. Роман М. Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”. Комментарий. – Л.: Просвещение, 1975. – 279 с.
4. Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени. – М.: Художественная литература, 1984. – 479 с.

**«АНГЕЛИЧЕСКАЯ НАТУРА
РУССКОГО ВЫСОКОГО ПАРНАСА»
В. Н. ИЛЬИН (1890 – 1974) О М. Ю. ЛЕРМОНТОВЕ**

Владимир Николаевич Ильин (1890 – 1974) – оригинальный религиозный мыслитель, музыковед, композитор [10], [15]. Часть трудов В.Н. Ильина посвящена обоснованию абсолютного значения художественно-религиозного творчества ряда писателей и поэтов, вопросам философии искусства, судьбам культуры в истории и современном мире, что позволило автору воплотить свой оригинальный взгляд на сущность искусства и художественное творчество [16]. Митрополит Сурожский Антоний после смерти Ильина в 1974 году сказал, что «в нем был огонь...». В. Н. Ильина по праву можно назвать человеком ренессансного масштаба: философ и историк, религиозный деятель и литературовед, поэт и музыкант. Патриарх Московский и всея Руси Алексий I (Симанский) за работы философа о святом старце Серафиме Саровском, Пасхе и всенощном бдении способствовал присвоению автору степени доктора богословия. Несмотря на то, что В. Н. Ильин оставил огромный архив, хранящийся в настоящее время в Доме русского зарубежья имени А. И. Солженицына (Ф. 31), многие его философские, богословские и литературоведческие труды до сих пор остаются не опубликованными. Исследуя творческое наследие эмигрантского философа, А. П. Козырев писал: «В. Н. Ильин по праву входит в когорту замечательных русских мыслителей – А. Л. Бема, Д. И. Чижевского, Ю. П. Иваска, В. В. Вейдле, которые создают в XX веке жанр философско-литературоведческой критики, следуя традиции, начатой Вл. Соловьевым в его статьях о Достоевском и русских поэтах» [9, с. 23].

Родился исследователь в с. Владовка Киевской губернии. После блестящего окончания Киевской гимназии и

Киевского Императорского университета Святого Владимира по физико-математическому факультету он поступил на историко-филологический факультет, который окончил по философско-историческому отделу. Окончив этот факультет, а также частную консерваторию, Ильин по получении звания магистранта читал лекции по философии. В 1918 году В.Н. Ильин получает должность приват-доцента Киевского университета, однако его деятельность была прервана революцией. В 1919 году он вынужден уехать из России через Одессу на одном из последних пароходов, и после Константинополя и Берлина оказался в Париже в эмиграции: «Мне угрожала смертельная опасность по причине давнишней моей борьбы с материалистической марксистской идеологией, которую я всегда вел в очень резком тоне. Мне пришлось оставить Россию в 1919 г....» [3, с. 4]. С 1925 по 1941 г. он получил должность профессора русского Православного Богословского института в Париже, где преподавал литургику, апологетику и средневековую историю, читал много лекций «по философии русской литературы» [3, с. 6] и активно участвовал в Русском студенческом христианском движении. Владимир Николаевич известен, прежде всего, своими работами по истории русской литературы, выходившими в сборниках статей: «Эссе о русской культуре» (Сост. А.П. Козырев. СПб., 1997), «Мирозерцание графа Льва Николаевича Толстого» (Вступ. статьи В.Н. Ильиной и К.Г. Исупова. СПб., 2000), «Пожар миров: Избранные статьи из журнала "Возрождение"» (Сост. А.П. Козырев. М., 2010). Основные труды – «Преподобный Серафим Саровский» (1925); «Всенощное бдение» (1927); «Шесть дней творения» (1930); «Загадка жизни и происхождение живых существ» (1929); «Арфа царя Давида в русской поэзии» (1960). [11], [13]. После окончания Великой Отечественной войны читал «лекции на апологетических курсах в церкви Московского патриархата и в институте богословия, основанном о. Евграфом Ковалевским» [12, с. 28 – 29].

В.Н. Ильиным формулируется нравственно-религиозное определение культуры, истоки которой автор

видел в ее тяготении к иному миру, оно с наибольшей полнотой воплотилось в монашестве: «Культура есть самосозидание человека и созидание им той среды, в которой он самосозидается. В культуре человек творит, прежде всего, самого себя и этим преодолевает свою тварность, повинуюсь призыву Творца: "Будьте совершенны как совершен Отец ваш Небесный"» [8, с. 132]. Мыслитель рассматривал художественное творчество как жертвенное служение божественной красоте, пребывающей за пределами земного мира. По мнению, А.П. Козырева, «Творчество для него священный акт, который должен получить свое основание в святости» [14, с. 96].

В.Н. Ильин, стремясь постигнуть смысл и мистическую тайну Творца и его творения, отмечал: русское культура, искусство и литература, в особенности поэзия, «в ее сокровенном существе может быть сведена к этой великой и единственной теме – МОНОТЕМЕ – к тому, чтобы увидеть невидимую и великую красоту, ради нее пожертвовав всем» [1, с. 11]. Трансцендентную тоску по этой неземной красоте, приводящей состояние души художника в особое внутреннее состояние томления, по мнению В.Н. Ильина, очень точно выразили строки лермонтовского «Ангела» [1, с. 9].

Автор признается, что «Лермонтова он полюбил очень рано – около 7–8 лет» [3, с. 10] и пронес эту любовь к «ангельскому гению» [6, с.9] через всю свою жизнь. В восприятии философа душа поэта – это «дивная и таинственная красавица» [5, с. 5], онтологическая сила которой состоит в «скрытой, словом не передаваемой гармонии» [5, с. 5]. Лермонтов нес в себе печать невыразимой и глубоко скрываемой им ото всех мистической тайны: «В этом смысле он один из самых символических и загадочных русских артистов слова и рядом с ним тут стоит один Гоголь, не менее таинственный и не менее печальный» [5, с. 5]. Однажды приблизившись «к единственному реальному миру – миру духовных подлинников» [5, с. 5], миру инобытия, поэт «чувствует себя покинутым и одиноким среди чужого и враждебного ему мира житейской суеты» [5, с. 5]. В стихотворениях Лермонтова исследователь выделяет

доминантный мотив одиночества, который «тесно, неразрывно сплетен с другим, также основным для поэзии Лермонтова напевом о влекущем и манящем его далеком, неведомом мире, то ли утраченном, отзвуки которого сохранились лишь в подсознательной памяти, то ли грядущем, переход в который – тайна смерти» [1, с. 58].

В поэтическом горниле душевных мук и глубоких философских раздумий «рождается изумительная лермонтовская проза, быть может, самая совершенная в русской литературе и одна из самых совершенных в мире» [5, с. 5]. В жизни поэт был трагически одинок и не нашел «души родной» и потому, из глубины его беспросветного одиночества проступает «кинжал сарказмов» [5, с. 5], и возникает «трагедия Печорина» [5, с. 5], этого «героя скорбной мысли, «музы мести и печали», принявшего вид бестрепетного храбреца» [5, с. 5]. Критик сравнивает неисправимый цинизм и тоску Печорина, с «тоской Орфея, затерявшегося в пустыне мира и не нашедшего Эвридики» [5, с. 5].

Не чувствуя дистанции по отношению к высшим началам бытия, в молитве Лермонтов чудесным образом сумел преодолеть неизмеримое звездное расстояние, однако не сумел показать людям увиденный им «потусторонний ангельский мир в его подлиннике» [5, с. 5]. Поэт в молитве стремился «приобщиться ему» познав «сладость молитвы, одинокой беседы с Богом» [5, с. 5].

На пути молитвенного общения художник слова нашел «для беседы с ангелами ангельский язык, ибо нет лучшего символа горнего мира; как удаленные от нас на непостижимое расстояние звёзды» [5, с. 5]. С небесами поэт связывает нравственный идеал: «весь Лермонтов потусторонен» [1, с. 61], что выражается в стремлении тоскующей на земле души «только к Богу, только в тот мир» [1, с. 61 – 62]. Смиренно принимая наложенные Творцом земные испытания, «"внутренний", ангелоподобный Лермонтов, не ропщет, не протестует, не богоборствует» [1, с. 62], а устремляется душой и сердцем к молитвенному Богообщению: «Молитва – единственное русло, по которому устремляется его дух в

тяжкие минуты земного бытия» [1, с. 62]. В духовные периоды молитвенного соединения с Богом и ангелами его, грусть одиночества поэта «неожиданно обращается в такую неземную радость, в такое острое наслаждение вечной и блаженной жизни, которого сердце человеческое уже не может вынести» [5, с. 5]. Радость сопричастности к Богу и миру небесного воинства Христова, «эту радость, вышедшую из великой печали, торжество обретенного ангельского лика завещал роду человеческому Лермонтов» [5, с. 5].

В работе «Тайно-видение у Пушкина и Лермонтова» [2] (1962) исследователь приходит к заключению: «Все три писателя, зачавших большую русскую художественную прозу XIX века, Пушкин-Лермонтов-Гоголь – при всем их радикальном несходстве подобны трем могучим дубам или, еще лучше, трем уходящим в поднебесную высь вершинам, основанным на подлинной религиозности, в центре которой блистает иконографическое взывание красок, блещут лампы и ризы церковного убранства и раздаются пение церковных ликов. Конечно, было бы надругательством над этой деликатнейшей сферой человеческого духа – искать здесь прямолинейного «кудесничества». Настоящее религиозное чувство зараз есть нечто доступное младенцу и в то же время «книга за семью печатями», перед расшифровкой которой изнемогает и самый мощный гений» [7]. Как поэт, почувствовавший себя наследником Пушкина, «Лермонтов безусловно, как и Пушкин, соединял в себе глубокую христианскую направленность со страстным неистовством гениальной натуры и с грандиозным темпераментом – но совсем особым сравнительно с темпераментом Пушкина: тяжелым, грозным, ушедшим в себя и похожим на вулкан, покрытый льдом» [7].

В лермонтовском «Ангеле» с наибольшей полнотой выразилось онтологическое «состояние внутренних глубин его духа» [7]. Признавая поэта гениальным духовидцем, Ильин отмечает, что «природа Лермонтова была несомненно ангелическая. Показать это нетрудно хотя бы исходя из любимых тем Лермонтова, где ангелы и демоны (то есть те же ангелы, только падшие) являются как бы оккультно-

метапсихическими «излучениями» его собственной, тоже ангелической природы. Пребывание его на земле, да еще в такой несвойственной ему среде, в какой ему приходилось быть, можно назвать – со всякими оговорками – как бы карающим воплощением ангела» [7]. Во всем творчестве поэта преобладает «мотив оккультной тоски» [7] по иному миру: «Характер его и даже судьба – все составляет как бы единый морфологический комплекс, где все соответствует какому-то бездонно-глубокому, темно-таинственному центру, в глубине которого блистает нездешний свет отдаленных ангельских миров» [7]. «Оккультно-метапсихическая тоска Лермонтова», проступающая сквозь «наносный и очень тонкий слой кажущегося байронизма», становится ключом «к загадке его ангельски-демонической души» [7].

Неоднократно подчеркивая таинственную связь души поэта со сверхъестественной духовной реальностью, исследователь приходит к выводу, что «Лермонтов есть по преимуществу ангелическая натура русского высокого Парнаса», который «задышался в тесной сфере, куда его толкнула судьба» [7]. Будучи гениальным «духовидцем» и тайнозрителем, он чувствует, как сугубо индивидуально к нему «Бог обращается Своим неведомым для других ликом», но этот духовный опыт остается «неизглаголаным, апофатическим» [7].

В статье о Лермонтове, включенной в книгу «Арфа царя Давида» (1960), поэт предстает «загадочным и вместе с тем религиозно одаренным, возвышенным, устремленным к небу, тоскующим о нем» [1, с. 57]. За внешностью «светского кавалера, <...> остроумного насмешника в духе его века и порою даже бретера» поэт скрывал «ангелоподобный внутренний образ» [1, с. 57].

Лермонтову, который сохранил до конца своей жизни «субстанцию пророческого дара» [1, с. 62] придается метафизический и профетический статус. Его профетизм с наибольшей силой воплотился в стихотворениях «Предсказание» и «Сон» («В полдневный жар...»). Определяя «"ангелизм" лермонтовской музыки», который с особенной полнотой раскрывается в созерцании поэтом «отблеска божественной красоты в природе» [1, с. 65],

исследователь отмечает, что в поэтическом мире автора, «не только Бог, Христос, Божья Матерь, Ангелы и Святые – строго определенные личные существа, но таковыми оказываются и начальник тьмы – демон и его духи» [1, с. 66]. Наряду с «ангелизмом», [6, с. 12] в творчестве и духовном сознании Лермонтова были сильны «элементы демонической метапсихики» [6, с. 12].

Поэта всю жизнь волновала проблема красоты в мире, которая с наибольшей полнотой выразилась в поэме «Демон». По мнению исследователя, «трагедия Тамары – трагедия прекрасного, но пассивного блага. Трагедия Демона – также прекрасного, но активного зла, возникшего из неведомых глубин свободного ничто, – оттуда, откуда взята и Альфа творения, которой указан актуально-бесконечный путь к Омеге, – но на этом пути произошло роковое разделение – самозаконное и самопричинное. Но так как самозаконие (автономия) и самопричинность – прерогативы Бога, то возможно, что именно здесь и произошла первокатастрофа» [7]. Источником поэмы «Демон» Ильин признает Библию и отмечает, что «у Лермонтова Демон пытается «полюбить» избранную им красавицу среди красавиц, дочь сынов человеческих и чужую невесту Тамару. Этим он словно повторяет то таинственное событие или ряд событий, о которых говорит ветхозаветная Библия: «Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал» (Быт. VI. 2)». Опираясь на финал поэмы «Демон», где сквозь маску мнимой красоты падшего духа «проступает жуткий всеистребляющий огонь зла» [1, с. 60], Ильин приходит к выводу, что поэта безосновательно называть байронистом, так как он не следует «люциферианской схеме Байрона, но разрушает и преодолевает ее» [1, с. 60], идет путем разоблачения демонизма.

В.Н. Ильин в статье «Печаль души молодой» (1931) назвал Лермонтова «ангельским гением, гением-духовидцем». [6, с. 9]. По мнению русского философа, «ангельский поэт» был заморожен «ангельской красотой потусторонних видений и потусторонних реальностей». [6, с.10]. Классик жил в

«непосредственном обращении с этим таинственным миром», [6, с. 10 – 11], миром ангелов. Муза Лермонтова представляет собой «софийное единство двух ангелов в одном лице – Ангела поэтического дара и Ангела вдохновителя» [6, с. 11]. В. Н. Ильин приходит к заключению: «Лермонтов так дорог нашему сердцу, что сквозь злость и каприз в нем просвечивает ребенок и ангел» [6, с. 13]. По мнению исследователя, Лермонтов, своеобразно преломляя библейские сказания, облакает их в характерные художественные образы, которые включаются в систему отношений поэта с горним и дольным мирами, и в своеобразной творческой манере переосмысливает их, однако их глубинный сакраментальный смысл остается неизменным. Литературоведческие работы В. Н. Ильина о Лермонтове, объединенные темой «ангелизма», раскрывают нравственно-этические вопросы его творчества в неразрывной связи с православной антропологией и аксиологией и являются яркой страницей в истории отечественной культуры, которая на современном этапе развивает традиции религиозно-философского литературоведения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ильин В.Н. Лермонтов// Ильин В.Н. Арфа царя Давида в русской поэзии. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1960. – 76 с. – С. 57 – 66.
2. Ильин В.Н. Тайновидение у Пушкина и Лермонтова // Возрождение. – 1962. – № 130. С. 57–77.
3. Ильин В.Н. Эссе о русской культуре. СПб. Акрополь, 1997. – 461 с.
4. Ильин В.Н. Литературная критика до и после революции // Русская литература в эмиграции: сборник статей / Под ред. Н.И.Полторацкого. – Питтсбург, 1972. – С. 243 – 253
5. Ильин В.Н. Грусть//Газета «Новое Слово». Берлин. – № 32 (361), воскресенье, 3 августа 1941 года. – С.5.
6. Ильин В.Н. Печаль души молодой (М.Ю. Лермонтов)//Вестник Русского христианского движения. 1932. № 1. С. 9–13.
7. Ильин В.Н. Пожар миров. Избранные статьи из журнала «Возрождение». М.: Прогресс-Традиция, 2010. 960с. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://maxima->

library.org/index.php?option=com_maxlib&controller=download&task=downloadBook&fileformat=djvu&bookid=299138&format=raw

8. Ильин В. Н. Религия революции и гибель культуры. Париж: YMCA-PRESS, 1987. – 136с.

9. Козырев А. П. Исав, восставший на Иакова // Ильин В. Н. Пожар миров. Избранные статьи из журнала «Возрождение». Прогресс-Традиция, 2010. 960с. – С. 3 – 40.

10. Козырев А. П. Ильин В. Н // Православная энциклопедия. Под ред. Патриарха Кирилла. – Т. 22. – Церковно-научный центр "Православная Энциклопедия" Москва, 2009. – С. 358–360. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/389449.html>.

11. Козырев А. П. Библиография трудов В. Ильина // Владимир Ильин. Эссе о русской культуре. – Акрополь СПб, 1997. – С. 449–460. Клементьев А. К. Библиография работ В. Н. Ильина // Ильин В. Н. Миросозерцание гр. Л. Н. Толстого. СПб., 2000. – С.444 – 470; 34; Исупов К. Г. Между Аполлоном и Дионисом // Ильин В. Н. Миросозерцание гр. Л. Н. Толстого. СПб., 2000. – С. 5 – 40; Розова Е. О. Статьи В. Н. Ильина в газете "Возрождение" // Историко-философский ежегодник. – 2011. – С. 261 – 304.

12. Козырев А.П. В тени Парнаса и Афона // В.Н. Ильин. Эссе о русской культуре. С. 28 – 29.

13. Козырев А. П. Ильин В. Н. // Католическая энциклопедия. Издательство Францисканцев, Москва, 2005. Т. 2. С. 208–210; Козырев А. П. Ильин В. Н. // Новая философская энциклопедия в 4 т. М.: Мысль, 2001, Т. 2. С. 96; Козырев А. П. Ильин В. Н. // Русская философия: Энциклопедия / Под. общ. ред. М. А. Маслина. Сост. П.Т. 1. Апрышко, А. П. Поляков. – М.: Алгоритм, 2007, С. 203–204; Козырев А. П. Ильин В. Н. // Русский мир Украины: Энциклопедический словарь – К.: Радуга, 2008. С. 52–54.

14. Козырев А. П. Ильин В. Н.// Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. М., Мысль, 2010. Т. II. Е – М. С. 96

15. Розова Е. О. Философия культуры русского зарубежья: В. В. Вейдле, В. Н. Ильин, Г. П. Федотов: автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.03 / Розова Екатерина Олеговна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова] – М., 2013 – 17 с.

16. Розова Е. О. Осмысление русской культуры в трудах

В.Н. Ильина // Материалы VI Российского философского конгресса
Философия в современном мире: диалог мировоззрений. – Т. 1. –
Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета,
2012. – С. 79–79.

**«... Я БУДУ ДОРОЖИТЬ, КАК ТАЙНОЙ...»
ИВАН КОЗЛОВ И ЕГО «ПОВЕРЕННЫЙ СЛУЧАЙНЫЙ»
МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ**

Доклад назван строчкой лермонтовского стихотворения 1838 года «Слепец, страданьем вдохновенный...», которое говорит нам о рыбинской дворянке Анне Григорьевне Хомутовой (1787-1856) [1] (к ней оно обращено) гораздо больше, чем хранящийся в Государственном литературном музее портрет пожилой женщины в белом кружевном чепце, зябко кутающейся в синюю кофту.[2] Совсем иной она предстала внутреннему взору Михаила Лермонтова: *Я верю: годы не убили, / Изгладить даже не могли / Всё, что вы прежде возбудили / В его возвышенной груди. / Но да сойдёт благословенье / На вашу жизнь за то, что вы / Хоть на единое мгновенье / Умели снять венок мученья / С его преклонной головы.* [3, с. 170]

К счастью, по недавней атрибуции Натальей Викторовной Архангельской «Портрета неизвестной дамы, читающей книгу» [4, с. 73-78], мы имеем ещё один портрет Анны Григорьевны Хомутовой, написанный карандашом и акварелью в 1828 году. Автору портрета, будущему академику живописи и профессору Императорской Академии художеств Карлу Карловичу Пиратскому (1813-1871), – всего пятнадцать лет.

Лермонтов в своих стихах благословляет Анну Григорьевну за её отношения с поэтом Иваном Ивановичем Козловым.

Слепец, страданьем вдохновенный,
Вам строки чуждые писал,
И прежних лет восторг священный,
Воспоминаям оживленный,
Он перед вами изливал.
Он вас не зрел, но ваши речи,
Как отголосок юных дней,

При первом звуке новой встречи
Его встревожили сильней.
Тогда признательную руку
В ответ на ваш приветный взор,
Навстречу радостному звуку
Он в упоении простёр.

И я, поверенный случайный
Надежд и дней его живых,
Я буду дорожить, как тайной,
Печальным выраженьем их. [3, с. 169-170]

Надежды и дни... живые героя стихотворения выражаются не взглядом в ответ на *приветный взор* героини, а простёртой *признательной рукой*. И разговор на таких разных языках людей, сердечно близких, переворачивает Лермонтову душу. Лично не присутствуя при встрече героев, *поверенный случайный* слепого поэта видит эту картину взглядом художника и чувствует сердцем поэта. Она дорога ему. Каков же подтекст этого стихотворения? И почему его герой – *страдавшем вдохновенный*?

Иван Иванович Козлов (1779-1840) – прекрасный поэт и переводчик, близкий друг Александра Ивановича Тургенева (того самого, что тайно хоронил Пушкина в Михайловском) и Василия Андреевича Жуковского, *строки чудные* стал писать далеко не сразу. Происходя из старинного дворянского рода (отец – статс-секретарь при Екатерине II, а мать, Анна Аполлоновна, из рода рыбинских дворян Хомутовых, потомков шотландских графов Гамильтонов [5, с. 31] , принявших русское гражданство при царе Алексее Михайловиче), он с пяти лет был записан в военную службу сержантом. Воспитываясь дома, так ни разу и не побывав в своём лейб-гвардии Измайловском полку, Иван Козлов дослужился в 1797 году до подпоручика, после чего смог перейти в штатскую службу губернским секретарём и стал служить в канцелярии московского главнокомандующего Т. И. Тутолмина. В Москве красивый молодой человек был известен в свете как отличный танцор, В.А. Жуковский и А.И. Тургенев вспоминали, что в это время *суетного рассеяния*

поэтический талант Ивана Козлова *дремал непробужденный*. Однако, поэт Константин Батюшков, чувствуя потенциал Козлова, пенял ему на то, что он не пробует писать по-русски, сочиняя лёгкие французские стихи, популярные в светских гостиных.

В этих гостиных и на празднествах Козлов появлялся с весёлой и, одновременно, застенчивой генеральской дочкой Аннет Хомутовой, своей двоюродной сестрой по матери и близким другом, с которой Иван делился самым сокровенным. Она тоже писала французские стихи и сочиняла «повесть в духе аббата Прево: со страстной любовью и трагической смертью героини» [6, с. 12]. В этой миниатюрной насмешнице с большими серыми глазами и очень тонкой талией, которая могла, например, на балу в Благородном собрании незаметно сколоть вместе булавкой юбки двух важных старух и потом вместе с кузеном Иваном, давась от смеха, из-за колонн наблюдать за результатом, казалось бы, невозможно было предположить глубину и величие души. И, однако, перед нами, по сути, «тургеневская девушка» тех времён, когда Иван Тургенев ещё не родился. Она, сама тайно любящая Козлова, тем не менее, делает всё, чтобы устроить его знакомство, а затем и свадьбу 26 апреля 1809 года, с той, в которую, увидев её на балу, влюбился Иван, – своей подругой-красавицей, Софьей Андреевной Давыдовой. Брак оказался очень удачным, проверенным и радостью, и испытаниями, родилось двое детей: Иван (1810 или 1811 – 1883) и Александра (1812 – 1903).

А с Аннет, уехавшей в Рыбинск, у Козлова деятельная переписка. С этой девушкой было очень интересно разговаривать. Недаром, записки А.Г. Хомутовой 1814 года, а также её воспоминания о Пушкине (она с ним дружески общалась с 1826 года) были переизданы в Рыбинске в 2010 году [7] . По свидетельству воспитанницы Хомутовых Екатерины Розе, «память Анны Григорьевны была удивительная: она помнила решительно всё, что читала, могла сказать наизусть целые поэмы и запоминала целиком разговоры... В тысяча восемьсот сороковых годах она жила в Ярославле со старшим своим братом, Сергеем

Григорьевичем, и учила истории детей его, двух племянников, племянницу и сиротку, воспитанную и любимую ими наряду с собственным семейством, не употребляя на то книг, но диктуя им из памяти историю каждого государства особенно, и никогда не сбиваясь в хронологическом порядке». [5, с. 34-35]

Во время «грозы двенадцатого года» Козлов, по указанию Ростопчина, отправляется в Рыбинск ревизовать военный госпиталь, и он не только ревизовал его, но и доставал у местных жителей всё необходимое для раненых, терпящих нужду. Козлов, в отличие от доктора-немца Вольфа, умел убеждать. Живёт Иван Иванович с семейством у Аннет Хомутовой. Козлов – член Второго комитета по образованию Московской военной силы, то есть ополчения, в которое вступил его друг Жуковский. В Москве во время наполеоновского нашествия сгорел родовой дом Козлова, и он из Рыбинска едет не в Москву, а в Петербург, где, по протекции Николая Тургенева, получает место в Департаменте государственных имуществ, давшее средства к существованию семьи.

«Осенью 1816 года у Козлова происходит вспышка ревматизма, постепенно приведшая к параличу ног; попытки лечения не дали результатов» [8, с. 5], и к весне 1819 года Иван Иванович может передвигаться только в кресле. Друзья, А. и Н. Тургеневы, В. Жуковский, не оставляют его и даже вывозят на этом кресле в театр. Козлов уходит в религию и в литературные занятия. Необыкновенная память позволила больному в три месяца овладеть английским языком, одновременно изучая итальянский язык. По свидетельству Жуковского, Козлов знал наизусть всего Байрона, ставшего его любимым поэтом, поэмы В. Скотта, лучшие места из Шекспира, Расина, Тассо, Данте, Евангелие и молитвы. Он читает и современную русскую литературу, в том числе ходящую в списках; Александр Тургенев присылает ему из-за границы французские литературные новинки. Но болезнь прогрессирует, начинается ослабление зрения, приведшее в 1821 году к полной слепоте. В июле 1823 года Козлов, до этого числившийся на службе, увольняется по болезни с

пенсионом 836 рублей в год, что обрекало семью на постоянные материальные трудности. Окончательно не пасть духом Козлову помогло общение с племянницей Жуковского Александрой Воейковой, которой Жуковский посвятил знаменитую балладу «Светлана». Именно к ней обращено первое появившееся в печати русское стихотворение Ивана Козлова («К Светлане», 1821).

Скрытый до времени поэтический дар Ивана Козлова ожил. «Слепец, несчастьем вдохновенный», стал писать так, что, по выражению Всеволода Ивановича Сахарова, «даже позднему Пушкину не довелось при жизни узнать успеха, равного триумфу поэм и элегий Козлова <...> Элегическое воспоминание о собственной жизни становится центральным образом творчества поэта. Этим воспоминанием проникнуты и переводы, вобравшие в себя духовный опыт Козлова и ставшие очень личной лирикой».[9, с. 7, 12-13] Достаточно вспомнить его перевод из Томаса Мура «Вечерний звон», ставший русской народной песней. М. И. Глинка положил на музыку «Венецианскую ночь» Козлова, и этот прекрасный романс исполняется до сих пор. Конечно, многие произведения Козлова остались в том далёком времени романтизма, но переживания и талант его были настоящими. Недаром, Пушкин, прочитав его поэму «Чернец», посвятил поэту прекрасные стихи о его *гении*, запевшем *песни дивные*: *О милый брат, какие звуки! / В слезах восторга внемлю им.* [10] Свои произведения поэт диктовал дочери Александре (Алине) или она переписывала их набело с его черновиков, а записки и надписи на книгах писались им самостоятельно, на ощупь. Родные и друзья читают слепому поэту вслух. Так, А.И. Тургенев прочёл Козлову 11 февраля 1837 года «Смерть поэта» Лермонтова, и Козлов высоко оценил эти стихи. Несмотря на страдания от мучительных судорог в руках, а, временами, и онемение языка, Иван Иванович всегда одет и причёсан безупречно, он остаётся необычайно притягательным для общения. Интеллектуальные беседы у Козлова привлекают к нему не только Жуковского, но и таких людей, как Вяземский, Веневитинов, Пушкин, Гоголь (написавший в 1831 году этюд о его творчестве), Тютчев,

Мятлев, Лермонтов.

«Произведения Козлова входили в круг чтения Лермонтова-подростка и были для него одним из первых источников знакомства с байронической поэзией. <...> Число реминисценций из Козлова у раннего Лермонтова чрезвычайно значительно».[11] Исследователи отмечают [11], в частности, текстовые заимствования (или совпадения) из поэм Козлова «Чернец», «Княгиня Наталия Борисовна Долгорукая», «Абидосская невеста» и других произведений в «Черкесах» Лермонтова, «Кавказском пленнике», «Корсаре», стихотворении «В рядах стояли безмолвной толпой...». Из зрелых произведений – поэма «Мцыри» композиционно и тематически перекликается с «Чернецом».

Личное знакомство Лермонтова с Козловым относится к середине 1830-х годов, родственники Лермонтова к *столыпинской родне* относили и Козлова с его супругой, тётка Лермонтова брала у Козлова новые журналы, которые потом читал и Мишель. Вот отрывок из письма тётки Лермонтова Елизаветы Алексеевны Верещагиной дочери в Штутгарт: «А когда солнце и тихо – пешком пройдуся, к Козловым зайду. Иногда Алина [12] со мной гуляет. Во вторник были Козловы у нас и молодёжь – могли составить танцы. У нас часто весельи для молодёжи... Танцы, шарady, игры... Миша Лермонтов часто у нас балагурит... Представь себе Афанасья (старика), играющего все игры, и – например – играли в коршуны, он матку представлял, а Миша Лермонтов – коршуна». [6, с. 177] Особенно часто, по свидетельству А.П. Шан-Гирея, Лермонтов общался с Козловым в 1836 году. В доме Козлова Лермонтов мог встречаться с В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, А. Н. Муравьёвым, А. С. Даргомыжским. И именно Лермонтову, при его посещении, Иван Иванович Козлов рассказал о своей трогательной встрече после двадцатилетней разлуки с Анной Григорьевной Хомутовой.

Анну Григорьевну и Пушкин, и Лермонтов знали, благодаря её брату Михаилу Григорьевичу Хомутову (1795-1864). Пушкин в юности дружил с этим braveм гусаром, участником войны 1812 года, а Лермонтов служил под его началом: в 1833-1839 годах генерал-майор Хомутов был

командиром лейб-гвардии Гусарского полка. Он умел ценить в подчинённых качества ума и сердца. По случаю его ухода из полка в 1839 году (он стал начальником штаба, а позднее наказным атаманом Войска Донского), офицеры, в том числе и Лермонтов, поднесли ему коллекцию своих портретов, написанных А.И. Клюндером. «В начале июня 1840 года Лермонтов, проездом на Кавказ, три дня гостил у Михаила Григорьевича в Новочеркасске».[13]

В доме генерала Хомутова в Царском Селе, где жила у своего брата Анна Григорьевна в 1838 году, она показала Лермонтову стихотворение Козлова «Другу весны моей после долгой, долгой разлуки», начинающееся так: *«О, удались!.. полуживого / В томлени горестном забудь; / Ты острым пламенем былого / Зажгла встревоженную грудь. / Оставь меня!.. О нет... побудь. / Побудь со мною, друг бесценный, / Пожми, как прежде, руку мне...»* [14, с. 127] Потрясённый Лермонтов, попросив позволения взять рукопись, на другой день возвратил её со своим посланием «Слепец, страданием вдохновенный...» Прочтём несколько заключительных строк из стихотворения Ивана Ивановича Козлова, чтобы понять вздох Лермонтова о том, чем, – как пишет Козлов, – *жизнь мрачна, ясна / И не сказать чего словами* [14, с. 127] : *«Мой друг! быть может, мрак унылый, / Который жизнь мою затмил, / Тебя страшит, – но тайной силой / Мою он душу озарил. / Не вовсе я убит судьбою, – / Несокрушимое со мною: / Мне мил печальный мой удел, / Поладить с горем я умел; / Страданье чувство осязало, – / Его бедам не отравить. / Всё сердце любит, что любило, / Всё так же, тем же хочет жить. / И необманчивой надежде / Оно вверяется, как прежде. / Любовь вдали земных тревог – / Краса блаженств, – в любви сам бог».* [14, с. 129]

БИБЛИОГРАФИЯ

1. «Датой её рождения, в отличие от приводимой в литературе (1784), семейные источники называют 30 сентября 1787 года». Цит. по: Архангельская Н. В. Разбирая архив Шереметевых...: записки исследователя / Н. В. Архангельская // Московский журнал. История государства Российского. – 2013. – № 4. – С. 74.
2. Автор портрета А. Г. Хомутовой в старости, её родственница

Елизавета Авдиевна Супонева (? – 1861), похоронена на кладбище Толгского монастыря в Ярославле. См.: Архангельская Н.В., там же.

3. Лермонтов М.Ю. «Слепец, страданием вдохновенный...» / М.Ю. Лермонтов // Соч.: в 4 т. – Москва: Художественная литература, 1984. – Т. 1. – С. 169-170.

4. Архангельская Н. В. Разбирая архив Шереметевых...: записки исследователя / Н. В. Архангельская // Московский журнал. История государства Российского. – 2013. – № 4. – С. 72-78.

5. Розе Е. Хомутова Анна Григорьевна / Екатерина Розе // Анна Григорьевна Хомутова / сост. В. Рябой, Г. Кузнецова, Н. Белая. – Рыбинск: библиотечка Литературного Поля, 2010. – С. 31-35.

6. Афанасьев В.В. Жизнь и лира. Художественно-документальная книга о поэте Иване Козлове / В.В. Афанасьев. – Москва: Детская литература, 1977. – 192 с.

7. Анна Григорьевна Хомутова / сост. В. Рябой, Г. Кузнецова, Н. Белая. – Рыбинск: библиотечка Литературного Поля, 2010. – 59 с.

8. Вацуро В.Э. Козлов Иван Иванович / В. Э. Вацуро // Русские писатели. 1800-1917: биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 1994. – Т. 3. – С. 5-8.

9. Сахаров В. И. О жизни и творениях Ивана Козлова / В.И. Сахаров // Козлов И. И. Стихотворения / И.И. Козлов; сост., вступ. статья и примеч. В. И. Сахарова. – Москва, 1979. – С. 5-18.

10. Цит. по изданию, где стихотворение «Певец! когда перед тобой...» Пушкина даётся в той редакции, которая была послана Пушкиным Козлову: Козлов И. И. Стихотворения / И.И. Козлов; сост., вступ. статья и примеч. В. И. Сахарова. – Москва, 1979. – С. 17.

11. Гладыш И. А. Козлов Иван Иванович / И.А. Гладыш // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред В. А. Мануйлов. – Москва, 1981. – С. 228.

12. Алина – домашнее имя дочери И. И. Козлова Александры.

13. Окунев Б. Г. Хомутовы / Б. Г. Окунев // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред В. А. Мануйлов. – Москва, 1981. – С. 603-604.

14. Козлов И. И. Другу весны моей после долгой, долгой разлуки // Козлов И.И. Стихотворения / И.И. Козлов; сост., вступ. статья и примеч. В.И. Сахарова. – Москва, 1979. – С. 127.

**«КАК БУРЯ К НЕБОЛЬШОМУ КОРАБЛЮ...»
ЛЕРМОНТОВСКИЙ МОТИВ
В «ВИШНЁВОМ САДЕ» А. П. ЧЕХОВА**

В пьесе Чехова «Вишнёвый сад» есть персонаж по фамилии Епиходов и с прозвищем «двадцать два несчастья». Прозвище это вполне оправдано: при первом же своем появлении на сцене с торжественным букетом в руках он этот букет роняет; уходя, «натыкается на стул, который падает»; играя на бильярде, ломает кий; укладывая вещи, продавливая шляпную картонку. Купленные им новые сапоги «скрипят так, что нет никакой возможности»; утром, когда он просыпается, у него «на груди страшной величины паук»; стоит взять квасу, чтобы напиться, «а там, глядишь, что-нибудь в высшей степени неприличное, вроде таракана» [5, с. 198, 216]. По наблюдению известного французского театроведа Жоржа Баню, такая особенность персонажа многократно обыгрывалась в мировой театральной практике: «Епиходов весь разлаженный. И некоторые режиссеры передают это через беспорядок в его одежде. Костюм оказывается слепком с языка, манеры выражаться, с самой личности» [1, с. 51].

Прозвище «двадцать два несчастья» Епиходову дают в том поместье, где он служит конторщиком. Сам же персонаж признаёт свое отличие от других в следующих репликах: «Каждый день случается со мной какое-нибудь несчастье. И я не ропщу, привык и даже улыбаюсь» [5, с. 198]. В довершение прочих бед, девушка, в которую он влюблен и которая, по-видимому, принимала его ухаживания, вдруг самым явным образом начинает отдавать предпочтение другому кавалеру – лакею Яше, приехавшему аж из Парижа. Подытоживая череду своих потерь и разрушений, Епиходов заявляет перед лицом неверной возлюбленной и неотразимого соперника: «...судьба относится ко мне без сожаления, как буря к небольшому кораблю» [5, с. 216].

Тематически такая реплика чеховского персонажа соотносится с текстом одной из басен поэта конца XVIII – начала XIX веков И. И. Дмитриева. Сборник нравоучительных стихотворений Дмитриева «Апологи в четверостишиях» был знаком Чехову: оттуда несколько цитат и реминисценций вошли в разные чеховские тексты – письма и пьесы [подробней об этом: 2, с. 122-128]. Среди них есть четверостишие под названием «Челнок без весла»:

По ветру, без весла, Челнок помчался в море
Ударился в скалу и раздробил свой бок.
На жизненной реке и нам такое ж горе:
Без мудрости прощай наш утлый челночок! [3, с. 162].

На протяжении всей чеховской пьесы Епиходов напоминает такой же «утлый челночок». Корни комизма характера этого персонажа во многом лежат в архаистичности мышления, тесно спаянной с басенным морализаторством. Сам персонаж характеризует себя как «развитого человека», читающего «разные замечательные книги» [5, с. 216], но, по сути, он безнадежно архаичен и комичен, как архаизм.

Линия от Дмитриева к Чехову видится обоснованной, но между ними со всей очевидностью проступает промежуточное звено – творчество Лермонтова. Постоянная тема Лермонтова на протяжении всего его творческого пути – тема одиночества. Лермонтов находит для выражения одиночества разные образы, которые в общем его контексте оказываются синонимичными. Например, это образ сухого листка, оторванного от родной ветки и уносимого бурей. Из стихотворения «Листок»:

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;

в том же стихотворении передана жалоба на одиночество:

Один и без цели по свету ношуся давно я... [4, т. 1, с. 121].

Из стихотворения «Портреты»:

Везде один, природы сын,
Не знал он друга меж людей:
Так бури ток сухой листок
Мчит жертвой посреди степей [4, т. 1, с. 141].

Из поэмы «Мцыри»:

...безмолвен, одинок... <...>
Грозой оторванный листок
Я вырос в сумрачных стенах... [4, т. 2, с. 81].

Из вариантов к поэме «Демон»:

Он жил забыт и одинок,
Грозой оторванный листок... [4, т. 2, с. 482].

Синонимичный образ – одинокий ко́лос под бурей. Из поэмы «Последний сын вольности» – об отверженной Леде:

Она одна и день и ночь.
Так колос на́ поле пустом,
Забыт неопытным жнецом,
Стоит под бурей одинок,
И буря гнет мой колосок!.. [4, т. 2, с. 191]

В том же синонимичном ряду у Лермонтова – образы «неверного челнока» [4, т. 1, с. 222] или «поврежденной ладьи», увлекаемых бурей. Буря – неизбежный мотив в подобных сравнениях, объединяющий разные образы и придающий им однозначно трагическое звучание. Если у Дмитриева образ «утлого челночка» нравоучителен, а у Чехова в применении к Епиходову комичен, то у Лермонтова образы того же ряда романтически приподняты и неизменно трагичны. Наблюдается это у Лермонтова повсеместно: в лирике, в драме и в прозе.

В «Демоне» – исповедь Демона Тамаре:

...прежними друзьями
Я был отвергнут: как Эдем,
Мир для меня стал глух и нем.
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья

Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначения... [4, т. 2, с. 66].

В «Последнем сыне вольности»:

Кипя, с оружием своим
На князя кинулся Вадим;
Так над пучиной бурных вод
На легкий челн бежит волна –
И сразу лодку разобьет
Или сама раздроблена [4, т. 2, с. 199].

В «Боярине Орше»:

И слово «пытка» там и там
Вмиг пробежало по устам;
Но узник был невозмутим,
Бесчувственно внимал он им.
Так бурей брошен на песок,
Худой, увязнувший челнок,
Лишенный весел и гребцов,
Недвижим ждет напор валов [4, т. 2, с. 362].

Пример из драмы – «Маскарад», исповедь Арбенина:

Опять мечты, опять любовь
В пустой груди бушуют на просторе;
Изломанный челнок, я снова брошен в море:
Вернусь ли к пристани я вновь? [4, т. 3, с. 31]

Пример из прозы – роман «Вадим», обращение Вадима к Ольге: «Перед тобой я могу обнажить странную душу мою: ты не слабый челнок, не способный переплыть это море; волны и бури его тебя не испугают; ты рождена посреди этой стихии; ты не утонешь в ее бесконечности!..» [4, т. 4, с. 171]

Теперь вернемся еще раз к реплике Епиходова: «...судьба относится ко мне без сожаления, как буря к небольшому кораблю». Мы видим, как на фоне приведенных лермонтовских цитат в чеховском тексте проступают характерные лермонтовские мотивы:

– у Чехова «небольшой корабль» – у Лермонтова «челн», «челнок», «ладья»;

– у Чехова и у Лермонтова – «буря», безжалостная по отношению к ненадежному суденышку;

– присутствует мотив покорности судьбе с элементами стоицизма: в реплике Епиходова – «не ропщу, привык и даже улыбаюсь»; в поведении узника в «Боярине Орше» – «узник был невозмутим, / бесчувственно внимал он им...»;

– мотив ожидания следующего несчастья в репликах Епиходова – и «челнок», который «недвижим ждет напор валов» у Лермонтова.

Возможность подобных сопоставлений обусловлена характером чеховского персонажа: представлением Епиходова о себе как о непонятом страдальце, наделенном особенной судьбой и отмеченном, в отличие от других, печатью рока. Эту его черту подмечает другой персонаж «Вишнёвого сада» – ироничная гувернантка Шарлотта. Со скрытой издевкой она говорит ему: «Ты, Епиходов, очень умный человек и очень страшный; тебя должны безумно любить женщины. Бррр!» [5, с. 216] Подразумеваемым фоном для этой иронии может служить ряд известных лермонтовских образов – Арбенин, Печорин, Демон, Измаил-Бей и др. Чеховский текст дает основания говорить об ироничном преломлении романтической темы одиночества и снижении рокового героя до комичного «недотёпы». Епиходов предстаёт эпигоном лермонтовского романтизма, непонятым и непризнанным в условиях нового времени. Характерен пример: в одной из сцен «Вишнёвого сада» Епиходов играет на гитаре, восклицая при этом: «Как приятно играть на мандолине!» Его тотчас же поправляют: «Это гитара, а не мандолина», – на что он, не смущаясь, заявляет: «Для безумца, который влюблен, это мандолина...» [5, с. 215-216].

То, что предмет его страсти постарается тут же удалить со сцены «влюбленного безумца» как третьего лишнего, позволяет проецировать на Епиходова еще одно стихотворение Лермонтова, которое так и называется – «Челнок»:

По произволу дивной власти
Я выкинут из царства страсти;

Как после бури на песок
Волной расшибленный челнок;
Пускай прилив его ласкает, –
В обман не вдастся инвалид;
Свое бессилие он знает
И притворяется, что спит;
Никто ему не вверит боле
Себя иль ноши дорогой;
Он не годится – и на воле!
Погиб – и дан ему покой! [4, т. 1, с. 445].

Как подведение черты под этим настроением, в сцене ухода «безумца с мандолиной» прозвучит очередная реплика Епиходова: «Теперь я знаю, что мне делать с моим револьвером...»

Однако, в конце концов, вопреки роковым прогнозам, «небольшой корабль» Епиходова оказывается непотопляем. Имение, где он служил, продано, прежние хозяева разъезжаются кто куда (они, а не их бывший слуга напоминают теперь гонимые ветром листки!), а Епиходов будет нанят новым хозяином вишневого сада и останется при деле даже с повышением должности. Лермонтовский романтизм в его судьбе сыграл роль маски на маскараде: маска примерена, но маскарад окончен, и роль отыграна. И только лермонтовское предостережение: «Никто ему не вверит боле / Себя иль ноши дорогой», – повиснет роковым пророчеством над обреченным местом, доверенным этому «недотёпе».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баню Ж. Наш Театр – «Вишневый сад» / Пер. с фр. Т. Проскурниковой. М.: МХТ, 2000.
2. Головачева А. Г. И. И. Дмитриев в контексте драматургии А. П. Чехова // Драма и театр: сб. науч. тр. Вып. IV. Тверь: ТвГУ, 2002.
3. Дмитриев И. И. Сочинения. М.: Правда, 1986.
4. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. М.: Худ. лит., 1975-1976.
5. Чехов А. П. Вишневый сад // Чехов А. П. Собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. Т. 13. М.: Наука, 1978.

**«КУРОРТНЫЙ ХРОНОТОП –
«КНЯЖНА МЕРИ» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА
И РАССКАЗЫ А. П. ЧЕХОВА
(«ДУЭЛЬ», «ЗЕЛЕНАЯ КОСА» И ДРУГИЕ)**

Хронотоп (от др.-греч. χρόνος, «время» и τόπος, «место») – «закономерная связь пространственно-временных координат» [1]. Термин, введенный А. А. Ухтомским в контексте его физиологических исследований, и затем (по почину М. М. Бахтина) перешедший в гуманитарную сферу. М. М. Бахтин также понимал под хронотопом «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений»: «Хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время. Хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен» [2]. Термин «курортный хронотоп» ввел Александр Флакер, а цитирующая его работу М. М. Одесская пишет, что «курортный хронотоп как сюжетобразующий элемент повествования» впервые в русской литературе был актуализирован Лермонтовым» [3. С. 395]. Это не вполне верно, так как ещё ранее появилась комедия А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815 г.). «Курортный хронотоп отчасти напоминает охарактеризованный М. М. Бахтиным провинциальный хронотоп с его застойностью и циклическим бытовым временем. Однако в отличие от провинциального хронотопа, где господствует монотонная обыденность, в курортном – время для отдыхающих сжато и спрессовано» [3. С. 395]. События в таком времени, несмотря на предсказуемость и определенную цикличность, развиваются стремительно, а «курортный топос – это чужое для отдыхающих

пространство», поэтому все происходящие события воспринимаются ими как одномоментные [3. С. 395].

Всё это в полной мере относится к повести М. Ю. Лермонтова «Княжна Мери» и к классическому курортному чеховскому рассказу «Дама с собачкой», однако повесть Чехова «Дуэль», в отличие от «Дамы с собачкой», как бы несет в зародыше черты курортного хронотопа. Не названный, но легко угадываемый город Сухум, очень нездоровое малярийное место, в те времена не был курортом. Все герои «Дуэли» служат и даже, наоборот, едут поправлять здоровье в Россию (как старый дьякон, на место которого временно прислан дьякон Победов). Правда, все герои вполне по-курортному купаются в море, с этого начинается повесть. Можно сказать, что время также сжато и спрессовано, события развиваются стремительно, и город – чужое пространство для большинства героев. Романчики Надежды Фёдоровны также происходят «одномоментно», по «курортным» лекалам. Здесь выявляются интересные сходства и различия. Полемика с «Княжной Мери» в «Дуэли», как справедливо замечает В. Б. Катаев, «начинается с трактовки мотива женщины, её роли в столкновении современных мужчин. Мотив соперничества из-за женщины в чеховской повести снижается, отодвигается на периферию произведения, отдаётся второстепенным персонажам, приставу Кирилину и лавочнику Ачмианову. Любовница Лаевского Надежда Фёдоровна – лишь частный аргумент в том споре, из-за которого сходятся в поединке два антагониста в чеховской повести» [4. С. 38, 39]. Некоторые грани характеров двух героинь «Дуэли» также «снижены» по сравнению с женскими образами у Лермонтова, изображёнными романтическим способом в противовес реалистическому мировоззрению всего романа.

Как справедливо заметил В. Б. Катаев, «в «Дуэли» повторяется ситуация именно «Княжны Мери», противопоставление двух антагонистов, носителей двух образцов жизни, двух «правд». При этом Лаевский выполняет функцию Грушницкого, а место Печорина занял фон Корен. <...> Речь идёт именно о функциях героев» [4. С. 39]. Мы

полагаем, что этот подход можно распространить также и на героинь повести Лермонтова «Княжна Мери» и «Дуэли» Чехова. Все героини «Княжны Мери» находятся в состоянии постоянного поединка с мужчинами. В повести Чехова, который в письме к А. С. Суворину отстаивал название «Дуэль» (в противовес названию «Ложь», предлагавшемуся Сувориным), своеобразная дуэль происходит в каждой главе, но не между мужчинами и женщинами, а между носителями разных мировоззрений независимо от их пола. Так, повесть Чехова начинается со словесной «дуэли» Лаевского и Самойленко во время морского купания, а в пятой главе, также во время купания, разворачивается скрытый поединок женщин – Марьи Константиновны и Надежды Фёдоровны.

Надежда Фёдоровна выполняет в «Дуэли» функцию Веры. Она, как и Вера, больна чем-то неопределённым. У Веры Печорин подозревает чахотку или ту болезнь, которую называют «*Fièvre lente* — медленная, изнурительная лихорадка» [5. С. 204], а у Надежды Фёдоровны один врач находит «перемежающуюся лихорадку», другой – «женскую болезнь» [6. Т. 4. С. 388]. «Бог отмечает великих грешников, и вы были отмечены. Вспомните, костюмы ваши всегда были ужасны!» [6. Т. 4. С. 426] – говорит Марья Константиновна, соперница Надежды Фёдоровны в отстаивании «другой правды». Но если костюмы – преходящая деталь, то Вера навеки отмечена чёрной родинкой на правой щеке. Суть чувства Веры к Печорину раскрывается в её письме: «...я пожертвовала собой, надеясь, что когда-нибудь ты оценишь мою жертву» [7. С. 119]. Думается, истинная любовь не оперирует понятиями «жертвы» и «оценки».

В «Княжне Мери» примером настоящего самопожертвования и любви, «не ищущей своего», оказывается мать – княгиня Лиговская. Ради счастья дочери она смиряет гордость, переступает светские условности, явную личную неприязнь и умоляет Печорина жениться. Не её вина, что это приводит к ещё большему унижению княжны. В «Дуэли» функцию матери, жертвующей собой ради дочери, несёт ровесница княгини Лиговской Марья Константиновна Битюгова, бывшая гувернантка «княжон

Гаратынских» (деталь, своеобразным образом сближающая её с княжеским семейством Лиговских): «Милая моя, позвольте мне хотя одну минуту побыть вашей матерью или старшей сестрой! Я буду откровенна с вами, как мать» [6. Т. 4. С. 425]. В художественном мире Чехова такое поведение не называется самопожертвованием, это любовь, причём любовь по преимуществу материнская.

Ранний рассказ «Зелёная Коса» (1882 г.) – произведение особенное уже тем, что автор определяет его как «маленький роман», состоящий из двух глав. Первая глава – вводная – посвящена описанию дачи «Зелёная Коса» на берегу Черного моря и её владельцев – княгини Марьи Егоровны Микшадзе и её дочери Оли, а вторая – событиям, произошедшим на этой даче, – одной «из глупых средневековых историй». А именно, мать хочет выдать Олю замуж, но она влюблена в Егорова, и компания друзей устраивает заговор, срывает помолвку Оли с нелюбимым человеком. Высказываются суждения о женской эмансипации, весьма характерные для молодого Чехова.

Действительно, рассказ «Зелёная Коса» необычен по многим параметрам. С одной стороны, это уже упоминавшийся подзаголовок «Маленький роман». Как отмечает О. А. Клинг, «самый высокий в литературной иерархии жанр романа всегда кодифицируется у писателя подчеркнуто пародийно: например, только у раннего Чехова 1880–1882 гг. встречаем подзаголовки «Роман в одной части с эпилогом» (к рассказу «Тысяча и одна страсть, или Страшная ночь») ... «Огромнейший роман в сжатом виде. Перевод с французского»...» и т.п.» [8. С. 280]. Но рассказ «Зелёная Коса» очень лиричен, не похож на пародию, и на первый взгляд кажется, что это подступы молодого Чехова к настоящему роману (о чём задумывался неоднократно; самый известный пример - повесть «Три года»). Однако если воспользоваться методом В. Б. Катаева и проанализировать, каковы в «Дуэли» «функции» героев рассказа, то можно увидеть, что «Зелёная Коса» является глубоко зашифрованной пародией, никогда ранее, насколько нам известно, не рассматривавшейся в связи с «Княжной Мери».

Итак, не выполняют ли герои «Зелёной Косы» также некие «функции» романтически настроенных героев Лермонтова? Ведь не случайно А. П. Чехов в самом начале рассказа оговаривается, что дача напоминает «сентиментальные немецкие романы с их рыцарями, замками, докторами философии, таинственными графинями...», а затем предупреждает, что «в средневековом замке чуть было не разыгралась одна из глупых средневековых историй». Функцию Печорина здесь выполняет поручик Егоров – «красив, удачно острит, много молчит и военный», причём иногда на Егорова «находит» нечто «печоринское»: «Он садится, подпирает кулаками голову и начинает ужасно злословить». Его возлюбленная, княжна Оля, «маленькая, стройная, хорошенькая блондиночка лет девятнадцати», охарактеризована как умная девочка и душа мужской компании, искренняя, прямодушная, лишённая кокетства, но не свободная от некоторых «романтических» предрассудков. Так, Оля дала слово отцу, что выйдет замуж за князя Чайхидзева: «И это воля папы! — говорила она нам, и говорила с некоторой гордостью, как будто совершала какой-нибудь громаднейший подвиг. Она гордилась тем, что отец унёс с собой в могилу её обещание. Это обещание было так необыкновенно, романтично!» [6. Т. 1. С. 218]. Любопытно, что в начале восьмидесятых годов девятнадцатого века барышне представляется романтичным не вызов общественному мнению, как это было во времена Лермонтова, а напротив, покорность воле отца.

Функцию, точнее, «антифункцию» княгини Лиговской выполняет Марья Егоровна Микшадзе, тоже княгиня, но уже упоминавшийся простонародный вариант её отчества, речь, напыщенность и два «конька» – этикет и то, что «она жена князя» – выдают её не слишком высокое происхождение. Если княгиня Лиговская уговаривает Печорина жениться на её дочери, то княгиня Микшадзе, напротив, стремится выдать дочь за нелюбимого человека. Как и в «Княжне Мери», в «Зелёной Косе» составляется заговор, но не против «Печорина», а, наоборот, в его пользу. Жених Оли, князь Чайхидзев, подобно Грушницкому искренне влюблён, нелеп,

глуповат и вызывает сочувствие, но в отличие от Грушницкого, он не военный, а студент, тих, скромн и не думает вызывать на дуэль кого бы то ни было. Таким образом, намеренно «антиромантичный» рассказ «Зелёная Коса» всё-таки можно рассматривать как своеобразную пародию, но не на героев Лермонтова, а на ложно понимаемый романтизм современников молодого Чехова.

С другой стороны, рассказ любопытен тем, что Чехов включил в него в качестве действующих лиц своих знакомых и родственников. Сам герой-рассказчик – дачник, приезжающий каждое лето по приглашению хозяев, – лицо автобиографическое. Автор представляется бывшим репетитором Оли, научившим её «плохо говорить по-немецки и ловить щеглят». Чехов, действительно, как врач владел немецким языком, а ловля щеглят – автобиографическая деталь, упоминавшаяся также в рассказе «Иван Матвеевич». Главный герой «романа» Евграф Петрович Егоров был близким приятелем братьев Чеховых. Сведения о нём и его потомках имеются на сайтах, о нем подробно написали краеведы Нижегородской области. Похожий на Егорова офицер-артиллерист (симпатичный, умный, начитанный) появляется и в других рассказах Чехова, например, «Красавицы», «Поцелуй», «Тиф». Думается, аналогов такому «инверсному», обратному использованию прототипа в литературе нет.

Данная особенность рассказа «Зелёная Коса» даёт возможность выявить истинные причины давно замеченного и нещадно эксплуатируемого исследователями пристрастия Чехова к имени Егор и его производным (фамилиям и отчествам). Мы полагаем, что с Георгием-Победоносцем это никак не связано. Просто сначала появился реальный герой по фамилии Егоров. Что касается отчества «Егорыч», его Чехов слышал постоянно с раннего детства, так величали отца и дядю: Павел и Митрофан Егоровичи. Думается, что княгиня Микшадзе наделена отчеством Егоровна просто потому, что своей властью напоминала отца Чехова, но в то же время она во многом симпатичный персонаж. В. Б. Катаев подметил, что Чехов нередко применял своеобразную

гендерную инверсию: наделял героинь чертами прототипов-мужчин и наоборот. Поскольку Марья Егоровна – вдова князька «не то черкеса, не то грузина», ей было бы логично зваться Георгиевной, тем более что её отец по святам именно Георгий, и она гордится своим доставшимся от мужа княжеским титулом. Но здесь Чехов видимо подчёркивает её русское, возможно, достаточно простое происхождение, и определённую верность традиции, патриархальным убеждениям, что также было свойственно Павлу Егоровичу Чехову. Таким образом, можно предположить, что молодой Чехов почувствовал, что с простой, достаточно распространённой фамилией Егоров (но всё-таки более редкой, чем пресловутые «Иванов, Петров, Сидоров»), как и с именем, от которого она происходит, очень удобно работать. Имя Егор равно распространено и среди простого народа, и среди интеллигенции. Когда же надо показать чиновную петербургскую аристократию, как в «Рассказе неизвестного человека», то используется вариант Георгий.

Классическими «курортными» рассказами А. П. Чехова являются ранний (1886 г.) рассказ «Длинный язык» и сравнительно поздний (1898 г.) – «Дама с собачкой». Оба рассказа – крымские, ялтинские. Вообще, Крым как место отдыха и лечения появляется в творчестве Чехова очень рано, еще в «Будильнике», 1880, №1 читаем фразу «На виноград, в Ялту...» Рассказ «Длинный язык», напечатанный в «Осколках» в 1886 г. с цензурными купюрами, – это фактически анекдот о том, как дама пробалтывается мужу о своем поведении на отдыхе в Ялте. Дамы из хорошего общества ездят с татарскими проводниками (эткими «прирученными», одомашненными горцами в противовес диким лермонтовским черкесам), на водопад Учан-Су, заводят с ними интрижки, ревнуют, устраивают друг другу и своим татарским возлюбленным сцены, действительно, есть что подвергать цензуре. Однако Чехов не бывал в Крыму до 1888 г. В Ялту он впервые приехал 12 июля 1888 г. Но как раз летом 1886 г. Левитан гостил у Чеховых в подмосковном Бабкине после поездки в Крым и, по-видимому, рассказывал Антону Павловичу в том числе и о своих ялтинских

впечатлениях.

О «Даме с собачкой» написано так много, что кажется, уже нечего добавить. Великий английский романист Грэм Грин считал, что один такой рассказ стоит нескольких романов. Действительно, в полном соответствии с характеристиками «курортного хронотопа», в рассказе поразительно и гениально спрессовано время («Время идет быстро» – замечает Анна Сергеевна), события развиваются стремительно, но совершенно непредсказуемо. В передаче Игоря Волгина «Игра в бисер» были отмечены черты Анны Сергеевны, отчасти роднящие её с настойчивой в любви лермонтовской Верой. Именно Анна Сергеевна, а не Гуров, инициирует их знакомство (с помощью собачки), а потом признаётся, что поехала в Ялту за приключениями: «любопытство жгло меня... хотелось пожить, пожить и пожить...» [6. Т. 6. С. 369]. Остаётся тайной, почему, каким образом из пошлой курортной интрижки родилась любовь. И если роман Печорина и Веры заканчивается трагически, то «Дама с собачкой», как и большинство произведений Чехова, с открытым финалом, который даёт надежду на счастье, хотя и нелёгкое, и нескорое.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. С. 347.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Сб. М.: Худож. Лит., 1975. С. 234–407.
3. Одесская М. М. Чехов и проблема идеала. Москва, РГГУ, 2011. 495 с.
4. Катаев В. Б. «Два поединка («Княжна Мери» и «Дуэль»))» / Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники. Москва, Языки славянской культуры, 2004. 392 с.
5. Мануйлов В. А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Ленинград, Просвещение, 1975. 280 с.
6. Чехов А. П. Собрание сочинений в восьми томах. Москва, Правда, 1969—1970.
7. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырёх томах. Москва, Художественная литература, 1965. Т. 4. 518 с.
8. Чеховиана. Чехов: Взгляд из XXI века. Москва, Наука, 2011.

«Я ЕДУ В СТРАНУ ЧУДЕС ВОСТОК»

*Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.
Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моём уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь всё как-то коротка
И всё боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! Жажда бытия
Во мне сильнее страданий роковых,
Хотя я презираю жизнь других.*

«1831- го июня 11 дня»

Эпоха Лермонтова – это эпоха первой волны колонизации и освоения вновь присоединённых к Российской империи территорий – Кавказа и Средней Азии. Слушая лекции в Московском университете и гвардейской школе, Лермонтов пришёл к новому взгляду на военные походы. Для него военные походы приобретают характер научных экспедиций.

Походы, в которых принимал участие поручик Тенгинского полка Лермонтов, представляли для него несомненный познавательный интерес, сообщая ему обильный материал для творчества. Разъезды и экспедиции никогда не прерывали его умственного труда.

На обширной и многообразной теме «Азии», которая так привлекала поэта своей глубиной и драматизмом обнаруживается во всей полноте своеобразная черта его дарования – склонность переживать исторические темы в их соотношении с современностью. Древний Восток стал для Лермонтова самой захватывающей темой. Первым среди лирических шедевров, заполнивших его путевой дневник, был «Спор». Он явился самым поразительным свидетельством

необычайного дара Лермонтова схватывать в самой глубине и выражать в ослепительных образах сущность национальных культур и облики исторических эпох. Колыбель человечества – Азия не раз привлекала внимание Лермонтова. Недаром его Печорин мечтает о путешествии в Индию и Аравию, а перед смертью едет в Персию.

Не боюсь я Востока, –
Отвечал Казбек.
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льёт грузин.
И склонясь в дыму кальяна
На цветной диван
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот у ног Ерусалима
Богом сожжена
Безглагольна, недвижима
Мёртвая страна.
Дальше, вечно чуждый тени,
Моет жёлтый Нил
Раскалённые ступени
Царственных могил.
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поёт, считая звёзды,
Про дела отцов.
Всё, что здесь доступно оку
Спит, покой ценя...
Нет, не дряхлому Востоку
Покорить меня!

«Спор»

Для верной интерпретации этих строф Лермонтова их следует рассматривать на фоне того обширного научного и художественного движения начала XIX века, которое называют иногда «Ренессансом Востока» в Европе. В эти

годы развернулась новая отрасль культуры исторических знаний – ориентализм. Изучение языков, надписей, памятников Египта, раскрывало в отдалённой древности неведомую и богатейшую цивилизацию: прошлое отодвигалось в глубь тысячелетий и христианский мир представлялся лишь песчинкой в вихре сменявшихся исторических эпох. «В последние годы XVIII века произошёл великий переворот во всех воззрениях на историю человеческой цивилизации, – писали в 1810 году авторы петербургского «Проекта Азиатской академии», – Восток, представленный до тех пор лживыми рассказами нескольких авантюристов и запалёнными рукописями горсти учёных, был единодушно признан колыбелью всей цивилизации мира. Этому послужили и успехи англичан в Индии, исследования Библии немецкими учёными и учреждение Азиатского общества в Калькутте.

Всё это вызвало необычайное оживление в истории и филологии начала XIX века. Плеядой блестящих учёных открываются «ключи» к древнеперсидской клинописи, к ассиро-вавилонским текстам, к египетским иероглифам. По примеру Калькуттского общества, основанного в 1784 году, учреждаются научные объединения для исследования Азии в Бомбее, Мадрасе, Лондоне, Париже, непрерывно издающие свои записки, журналы, монографии, лексиконы, грамматики.

Движение это получило заметный отзвук в России. Уже в 1804 году первый Устав русских университетов устанавливал кафедру восточных языков.

Коллегия иностранных дел выработала в 1806 году проект учреждения классов татарского, арабского и турецкого языков при Казанской гимназии, персидского, грузинского и армянского при Тифлисской и, наконец, японского, китайского и маньчжурского при Иркутской. (В момент возрождения изучений Востока могла ли бы Россия отставать от народов Запада? Простой взгляд на карту указывает на её государственную заинтересованность в этом вопросе: сухопутная граница необъятного протяжения ставит её в соприкосновение со всеми народами Востока. Интересы государства здесь сочетаются с задачами просвещения).

Необходимо учредить академию для связи европейской цивилизации с мудростью Востока, нужно основать институт по изучению восточных языков.

Это открыло бы возможность проникнуть в тайны древней философии, изучить поэзию восточных народов, поражающую кипением идей и богатством слова. Таковы Сакунтала, Фирдоуси, Гафиз и, наконец, всё это следует дополнить исследованиями истории и статистики Азии.

Из таких соображений вырос план «Азиатской академии», впервые выдвигавший необходимость изучения в России санскрита и отстаивавший для научных программ наряду с литературой индийской, китайской, мусульманской, еврейской ещё мало изученные – армянскую и грузинскую.

Проект «Азиатской академии» не получил осуществления, но в 1817 году в Петербурге всё же начинают преподавать арабский и персидский. В последствие в Петербурге был основан журнал «Библиотека для чтения», где было опубликовано первое произведение Лермонтова «Хаджи Абрек», и затем полностью «восточные опыты» поэта: «Казачья колыбельная», «Ветка Палестины», «Битва Мцыри с барсом», «Дары Терека».

Таково было в первые десятилетия XIX века движение в пользу изучения восточных языков и литератур. Одновременно организовывались научные экспедиции, проводились раскопки, издавались рукописи и надписи, обогащались коллекции музеев и академий, даже основывались новые курорты, для обустройства которых использовались воинские части. Такие работы проводились и в районе Кавказских минеральных вод, и во вновь присоединённых районах Средней Азии.

В Петербургский период своей жизни Лермонтов, имевший общение с художниками и учёными, мог знать об «Азиатском музее» Санкт-Петербурга, который в 1819 и 1825 годах приобрёл у французского генконсула в Багдаде, а затем в Триполи драгоценное собрание арабских, персидских и турецких рукописей. В 1827 году Академией наук были ещё приобретены египетские саркофаги, а в 1840 – рукопись, найденная в Фивах.

Большая часть этих коллекций поступила впоследствии в Эрмитаж, составив его Египетский отдел. Азиатский музей владел также богатейшими собраниями восточных монет, китайских художественных изделий, монгольских, тибетских и японских рукописей. Всё это могло свидетельствовать о том, что в России «сильно возбуждена склонность к изучению Востока и приобретению способов к успешному занятию сим предметом».

Россия – рубеж Востока и Запада, восточные племена входят в состав её населения. «Азия – часть света, к которой по силе обстоятельств и по народному инстинкту устремляется любопытство русского». К моменту литературных выступлений Лермонтова русский «ориентализм» уже насчитывал ряд значительных достижений. Выходили монографии, статьи и «путешествия» по Востоку, в некоторой части, несомненно, знакомые Лермонтову. Уже в отроческие годы Лермонтов интересовался восточной и классической древностью. Его ранние описательные страницы обнаруживают познания в археологии, истории зодчества и искусствоведении.

Не приходится сомневаться, что главным источником сведений Лермонтова о Вавилоне и Египте была Библия. Известно, что Е. Арсеньева в детстве знакомила внука с духовной литературой. В школе продолжалось знакомство Лермонтова с этим основным источником научного востоковедения XVIII века. В программах Благородного пансиона по классу красноречия, стихотворства и языка русского значилось: «отличительное свойство священных песнопений еврейской поэзии». Этот же путь указывала Лермонтову новейшая поэзия. Сам Пушкин ценил древний фольклор еврейского народа. Неудивительно, что Лермонтов рано обратился к этому источнику, о чём свидетельствуют такие его замыслы как «Азраил», или «Ангел смерти». Ранее знакомство с образцами «гебраистской поэзии» вызвало пристальный интерес Лермонтова к судьбам еврейского народа. Эта необычная в русской литературе того времени тема характерна для творчества Лермонтова почти на всём его протяжении.

Ранний ориентализм Лермонтова питался и другими источниками.

Новейшая поэзия, современная литература, европейская романтика – всё это могло возбуждать его интерес к Востоку и одновременно насыщать этот интерес богатым запасом образов, тем и замыслов.

Лермонтов вошёл в литературу, когда творения поэтов Азии уже широко вошли в европейскую лирику и продолжали своё воздействие на её дальнейшее развитие. В Европе XVIII века становятся известны имена Фирдоуси и Саади. Выходят книги «Западно-восточный диван Гёте» и «Ориенталии» Гюго. Сейчас стало известно, что Гёте тайно принял ислам.

Разъезды замечательно служили Лермонтову для обогащения его эрудиции поэта-ориенталиста. Знаток современного быта Грузии, Дагестана, Чечни, Кабарды, которые стали местом действия его баллад и «южных поэм», он знал и песенную старину этого «сурового края свободы».

Легенды Дарьяльского ущелья и черкесские песни его героев свидетельствуют о близком знакомстве автора с богатым фольклором кавказских народов, непосредственно изученном поэтом в его скитаниях.

Он объездил и обошёл, по его собственному свидетельству, огромный район, – «от Кизляра до Тамани, – был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьём за плечами, ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское». Достаточно известно, что старый чеченец, водивший его по горным уступам Кавказского хребта, рассказал ему об Измаил-Бее, а в Мцхете горец-монах сообщил поэту историю своей подневольной иноческой жизни, послужившей темой «Мцыри». Отсюда такая конкретность и жизненность кавказских описаний Лермонтова, одинаково поражающих обилием верных этнографических подробностей и смелой обрисовкой характеров.

В результате экспедиций и раскопок создаётся довольно обширная литература о Востоке, частично, несомненно, знакомая Лермонтову.

Журнал «Библиотека для чтения», в котором

дебютировал Лермонтов, был вообще чрезвычайно богат материалами по Востоку, в журнале «Отечественные записки» за 1839-41 годы, где постоянно печатался Лермонтов, помещались подробные обзоры путешественников по Востоку.

Лермонтову, при его отличном знании иностранных языков, была широко доступна и западно-европейская литература путешествий по Востоку. «Я буду тебе писать про страну чудес – Восток, – сообщает Лермонтов Раевскому перед своим отъездом на Кавказ в 1837 году. Меня утешают словами Наполеона: «Все великие имена совершаются на Востоке». А с Кавказа к концу года он сообщает: «начал учиться по-татарски, язык, который здесь и вообще в Азии необходим, как французский в Европе, – да, жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться. Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч., теперь остаётся только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским. Ты видишь из этого, что я сделался ужасным бродягой, а, право, я расположен к этому образу жизни».

Мы видим, что Лермонтова к концу 1837 года начинают привлекать учёные путешествия, связанные для него, по роду его деятельности, с военными походами. Лермонтову, окончившему специальное военное учебное заведение, такие новые задачи войны были хорошо знакомы. Покорение восточных народов невозможно без изучения их истории, быта, языка. План Лермонтова примкнуть к Хивинскому походу Перовского остался неосуществлённым, как и проекты поехать в Мекку и Тегеран. Намечавшийся им стихотворный отдел «Восток» остался недописанным, путевого журнала по странам Азии Лермонтов не оставил нам. Но какие-то черты военно-путевых записок имеются в «Герое нашего времени», в «Валерике» и в «Споре».

Слова: «Я многому научился у азиатов, мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания», перекликаются с поздними восточными мотивами Лермонтова. Именно так звучит его признание в «Сашке»: «Не веры я ищу – я не пророк, хоть и стремлюсь душою на Восток».

Лермонтов при близком знакомстве с мусульманским Кавказом, не раз отмечал веру в судьбу как важную черту в мировоззрении и характере своих героев. Так в сказке «Ашик-Кериб» говорится: «Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует».

Это была первая и самая трудная, но то же время и самая романтическая волна освоения восточных территорий Российской империи, и Лермонтов при любых условиях, даже крайне опасных для жизни, хотел в ней участвовать. Фактически, он тоже стал участником «Большой игры» между Великобританией и Россией за Кавказ и Среднюю Азию и оказался на переднем рубеже, повторив судьбу Яна Виткевича.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Лермонтов М.Ю., Полное собрание сочинений, т.1,с. 293.
2. Лермонтов М.Ю., Полное собрание сочинение, т.2 ,с.186.
3. Литературное наследство. М.Ю. Лермонтов, М., Изд-во АН СССР, 1941, с. 673.

СУДЬБЫ ЛЕРМОНТОВСКИХ РЕЛИКВИЙ В XIX-XXI ВВ.

Чем дальше уходит от нас лермонтовская эпоха, тем острее чувствуется потребность во все более глубоком освоении творческого наследия поэта – такого знакомого и, одновременно, так мало изученного, в приближении к его почти никем непонятой личности, ко всему тому, что, так или иначе, связано с его именем. На этом пути важны каждая тропинка, каждый капиллярный ход, ведущие нас к постижению его личности и его творчества.

При этом, очевидно, что подлинное освоение наследия поэта невозможно без первоисточников – автографов его произведений и писем, его живописных и графических работ, то есть, всему тому, к чему непосредственно прикасались его руки. Сохранение и изучение этих памятников – первая и главнейшая задача нашей науки.

Между тем, анализ современных направлений в лермонтоведении показывает, что эта задача не выполняется в удовлетворительном объеме. Не секрет, что сегодня большинство исследователей имеют весьма смутное представление об этих первоисточниках. Немногие лермонтоведы имели возможность непосредственно работать с оригиналами автографов, рисунков, живописных произведений. С учетом того, что отсутствует их полное современное научное описание, остро возникает вопрос о степени соответствии всей научно-исследовательской и художественной литературы о поэте его реальному облику и тем мыслям и идеям, которые ему действительно принадлежали.

На наш взгляд издание всех первоисточников в виде научного каталога является важнейшей задачей современного лермонтоведения. Это предоставило бы в распоряжение ученых огромный объем информации, которой они сегодня не

располагают, а также материал для размышлений, сопоставлений и, конечно, интуиций, столь необходимый в научном поиске.

Однако, ограничивать круг первоисточников лишь перечисленными позициями и, на наш взгляд, было бы неправильным. Мы убеждены в том, что в круг первоисточников необходимо включить еще все мемориальные предметы, принадлежавшие поэту.

Нельзя не заметить, что в научной литературе, посвященной Лермонтову, до недавнего времени вопрос о памятниках такого рода вообще не поднимался. Возможно, это происходило по причине малой изученности в современной науке такого понятия как мемориальный предмет. О связанных с поэтом реликвиях*), чаще всего упоминается вскользь, не говоря уже об отсутствии работ, в которых была бы выявлена их значимость для изучения жизни и творчества поэта (исключением можно считать книгу директора Музея-заповедника «Тарханы» Т. М. Мельниковой, предложившую описание хранящихся в собрании тарханского музея лермонтовских подлинных мемориальных предметов) (1; 5-7).

Наше сообщение впервые вводит в научный оборот информацию, связанную с историей музейно-архивного собрания, составителем и владельцем которого был племянник поэта Владимир Михайлович Лермонтов (1874-1954) (2; 65).

В. М. Лермонтов – кадровый офицер Императорской армии, полковник 12-го Ахтырского гусарского полка, участник 1-й мировой войны, Георгиевский кавалер, вся жизнь посвятивший воинскому служению, что, как известно, было традицией лермонтовского рода. Заложил ее основатель русской ветви рода Лермонтовых – потомок средневековых шотландских рыцарей Георг Лермонт (сер. 1690-х – 1634 гг.), который погиб на поле брани, защищая русскую землю от нашествий иноплеменных (2; 13-14).

После революции 1917 года Владимиру Михайловичу суждено было пройти через многие испытания (аресты, тюрьмы, ссылку, потери близких, родных, друзей). В 1920-е

годы он был организатором конных заводов на Дону и Кубани, при начале Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт, был трижды ранен, контужен и чуть не погиб в боях на Карельском фронте в 1942 году. После войны, по решению правительства, он поселился в маленьком домике на окраине города Пятигорска, девять лет прожил у тех мест, с которыми было связано дорогое для него имя М. Ю. Лермонтова, и был похоронен рядом с местом первоначального упокоения поэта (3; 10-13).

В послереволюционное время почти никому, кроме членов семьи, не было известно, что Владимир Михайлович был одним из крупнейших знатоков истории лермонтовского рода, семейных преданий, восходящих еще к раннему Средневековью, хранителем лермонтовских фамильных реликвий. Особое внимание он уделял всему, что было связано с поэтом, его жизнью, творчеством и обстоятельствами его неслучайной гибели. Владимиру Михайловичу посчастливилось видеть и беседовать с теми, кто знал поэта, общался с ним, хранил о нем память. В первую очередь это были сослуживцы его деда – Владимира Матвеевича Лермонтова. Владимир Матвеевич служил в Лейб-Гвардии Кирасирском полку, встречался с поэтом в Царском Селе и на правах родственника жилал с ним под одной крышей.

К концу 19-го-началу 20-го вв. Владимир Михайлович – признанный хранитель истории и традиций рода Лермонтовых. В его руках постепенно сосредотачиваются семейные реликвии лермонтовского рода, которые принадлежали разным его ветвям и были переданы ему как хранителю. Рукописи, картины, письма, различные артефакты, связанные с историей рода – все это постепенно пополняет его собрание. Семейные предания о поэте, упоминания о нем в переписке, рукописи, автографы, живописные произведения, самые мельчайшие крупницы сведений, находят место в его обширной музейно-архивной коллекции. Владимир Михайлович поддерживает связи с офицерами многих полков Русской армии, в том числе теми, в которых доводилось служить поэту и в которых впоследствии

служили его сослуживцы тех, кто его знал. Как известно, полковое братство в Императорской армии держалась на памяти о полковых традициях и подвигах офицеров и солдат, которые когда-либо служили в полку.

Военная аккуратность, точность и скрупулезность позволили Владимиру Михайловичу создать весьма значительное архивное собрание, куда входили, наряду с древними родовыми грамотами, материалы, связанные с поэтом, в том числе и редчайшие артефакты – собрание принадлежавших Михаилу Юрьевичу предметов (курительная трубка, старинное саше, нож из слоновой кости для разрезания бумаги, печатка с фамильным гербом, шкатулка из дерева и т. п.). Особую ценность В. М. Лермонтов придавал живописным произведениям, написанным самим поэтом, которые также находились в его собрании.

Так, одну из картин поэта Владимир Михайлович получил по наследству от своего деда Владимира Матвеевича. Рассказ о ее судьбе содержится в недавно изданных в Москве воспоминаниях Владимира Михайловича (4; 61-62).

М. Ю. Лермонтов написал групповой портрет, в центре которого изобразил одного из своих родственников генерала Свинына в окружении свиты, в составе которой находится упомянутый выше Владимир Матвеевич Лермонтов. Во время революционного лихолетья картина была оставлена Владимиром Михайловичем на сохранение в семье жителей маленького городка на территории тогдашней Тамбовской (ныне Рязанской) губернии. Автор этих строк, совместно с членами Ассоциации «Лермонтовское наследие» участвовал в поиске данного памятника в конце 1990-х – начале 2000-х гг. И хотя поисковые мероприятия не привели на том этапе к желаемому результату, удалось установить чрезвычайно важный, на наш взгляд, факт. Картина пережила время революции, гражданской войны, раскулачивания, голод 1930-х годов, время Великой Отечественной войны. Ее историю удалось проследить примерно до 70-х годов 20 века. Эта твердо установленная информация позволяет

предполагать, что памятник, не погибший в самые трагические периоды нашей истории, цел и сейчас. Работа эта не завершена, но временно приостановлена. Надежда, что этот памятник будет обретен, еще существует.

Не менее интересная история связана с другим живописным произведением поэта – широко известной лермонтоведам и знатокам его творчества картине «Вид горы Крестовой» (х.м., 1837-1838), которая ныне находится в собрании Музея-Заповедника «Домик Лермонтова» в Пятигорске.

В справочниках сообщается, что картина была приобретена балетным деятелем С.М. Лифарем в Финляндии и подарена «Дому Лермонтова» в 1967 году.

Как известно, история этой картины восходит к 1840 году, когда М. Ю. Лермонтов подарил ее князю В. Ф. Одоевскому. Об этом свидетельствует надпись, сделанная князем на оборотной стороне холста: «Эта картина рисована поэтом Лермонтовым и подарена им мне при последнем его отъезде на Кавказ. Она представляет Крестовую гору — место его смерти. Кн. В. Одоевский» (ошибка Одоевского: Лермонтов, как известно, был убит в Пятигорске).

Князь Владимир Федорович скончался в 1869 году, а его жена Ольга Степановна – в 1873. Детей у них не было, поэтому оставшимся имуществом распоряжалась его родственники. Они передали эту картину известному историку литературы П. А. Висковатову (1842-1905), о чем подробно пишет в своем очерке И. С. Зильберштейн (5; 20-22).

Однако даже этот исследователь, прославившийся своей дотошностью, не смог установить, что случилось с этой картиной после смерти П. А. Висковатова в 1905 году и каким образом она, спустя 60 лет, появилась в собрании Лифаря, так и не открывшего имя того, у кого он приобрел эту картину.

В те годы, когда «Крестовый перевал» вернулся в Россию, Владимира Михайловича уже давно не было в живых, поэтому некому было раскрыть историю этого лермонтовского произведения. Не было в живых и его

младшего брата – Александра Михайловича Лермонтова (1882-1944) (2; 66), который имел к этой истории самое прямое отношение.

После смерти П. А. Висковатова в 1905 году, картина «Крестовый перевал» была передана его наследниками В. М. Лермонтову, как потомку рода Лермонтовых вместе с частью висковатовского архива и вошла в его лермонтовское собрание.

С началом революции и гражданской войны, братья Лермонтовы предпринимают меры по спасению семейного архива. Понимая нависшую над ним опасность, они решают разделить собрание на несколько частей. Так вместе с Александром Михайловичем картина «Крестовый перевал» оказывается в Белой армии и сопровождает его в боях. В 1920 году полковник А.М. Лермонтов – комендант порта в Феодосии, руководит эвакуацией армейских частей, с которыми сам отправляется в изгнание.

В 1920-х – 1930-х годах он с семьей живет в Югославии, в г. Скопле. Предвидя конец мирной жизни в Европе, накануне начала Второй мировой войны, А. М. Лермонтов предпринял поездку в Финляндию, для встречи с президентом этого государства Карлом Маннергеймом. Эта встреча стала возможной только потому, что президент Финляндии маршал Маннергейм был до революции генералом Русской Императорской армии и во время 1-й мировой войны командовал 12-й кавалерийской дивизией, в состав которой входил Ахтырский гусарский полк, где служили братья Лермонтовы.

Александр Михайлович принял решение передать лермонтовскую картину Маннергейму, потому что не видел других способов ее сохранения. Европа уже начинала полыхать всемирным пожаром. Не последнюю роль в этом решении сыграло и то, что сам Маннергейм был выпускником Николаевского кавалерийского училища, в котором когда-то учился поэт, и это вселяло надежду на то, что памятник будет сохранен. В 1960-е годы, когда Маннергейма уже не было в живых, С. М. Лифарь сумел получить эту картину через свои старые связи с его бывшим окружением.

Лермонтовское собрание Владимира Михайловича получило пополнение после его женитьбы на Марии Владимировне, урожденной фон-дер Лауниц (1886-1959). Этот брак судьбоносным образом породнил с родом Лермонтовых семью, связанную с поэтом особыми узами.

Дед Марии Владимировны – Федор Федорович фон-дер Лауниц (1811 - 1886) был другом и одноклассником М.Ю. Лермонтова по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Санкт-Петербурге (6; 264). В этой же Школе вместе с ними учился юнкер Евграф Карачинский, родным которого принадлежала усадьба в селе Каргашине Елатомского уезда Тамбовской губернии (ныне – село Каргашино находится на территории Сасовского района Рязанской губернии). В роде Лермонтовых хранится предание о посещении поэтом этого места по приглашению Карачинских, хотя в лермонтоведении этот факт не упоминается.

Михаил Юрьевич посетил Каргашино вместе с Ф. Ф. фон-дер Лауницем, который впоследствии женился на кузине Евграфа Софии Карачинской. В жизни Ф. Ф. фон-дер Лауница общение с поэтом оставило глубокий след. После окончания Школы он служил в том же Гродненском Гусарском полку, что и поэт, и принадлежал к числу тех полковых офицеров, которые хранили о нем добрую память. Недруги же Лермонтова и после его гибели еще долго изливали свой яд на тех, кого считали близким к поэту (6; 264).

После свадьбы Федор Федорович и София Николаевна поселились в Каргашине (руины этой усадьбы, построенной, по преданию, знаменитым архитектором В. И. Баженовым, сохранились до сих пор на территории нынешней Рязанской губернии). Ф. Ф. фон-дер Лауниц всю жизнь посвятил воинской службе, участвовал в Русско-турецкой войне 1828-1829 гг., в польской компании 1830-1831гг. и вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта. Всю жизнь он свято хранил память о Лермонтове. Каргашинский усадебный дом, редкой красоты парк, с аллеями вековых лип стали для владельцев местом, которое они стремились сохранить

неизменным не только как родовое гнездо, но и как память о поэте. По преданию, в Каргашине до самой революции сохранились артефакты, связанные с пребыванием там поэта.

К сожалению, объем данного сообщения не позволяет рассказать о судьбах лермонтовских вещей, входивших в собрание В. М. Лермонтова. Среди уцелевших предметов – принадлежавшая поэту курительная трубка, ныне занимающая почетное место в экспозиции Музея-заповедника «Тарханы». Судьба каждого из этих предметов – не только часть истории нашей культуры, но и урок подвижнического служения памяти поэта.

Нам, ныне живущим, важно не только помянуть этих тружеников добрым словом, но и попытаться проследить судьбы неизвестных лермонтовских произведений.

Но даже и исчезнувшие произведения поэта, те артефакты, которые были связаны с его жизнью, не должны исчезать из нашей памяти. Наш долг включить их в контекст творчества М. Ю. Лермонтова и всей нашей культуры в целом, и, конечно, питать надежду, что, когда-либо эти памятники вновь будут обретены и займут подобающее им место.

*)Несмотря на то, что термин «реликвия» (от латинского глагола *relinquere* — «оставаться») первоначально употреблялся как наименование нетленных останков святых, мы употребляем его в более позднем значении: «вещь, свято хранимая, как память о прошлом» (Ожегов).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Мельникова Т. М. И дышит непонятная святая прелесть в них...Рассказы о реликвиях лермонтовского музея-заповедника «Тарханы». - М.:2011.
2. Воронцов И. В. Поколенная роспись рода Лермонтовых. – М.,2004.
- 3.Соколов-Лермонтов В. Н. Лермонтова из рода Лермонтовых. Лермонтовские студии - 3. - Ставрополь, Издательство СКФУ, 2014.
4. Лермонтов В. М. Записки каквлериста. - М.: 2011.

5. Зильберштейн И.С. Лучшая зарубежная коллекция реликвий русской культуры. - Огонек, 1970 г., №5.
6. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. - М.:1964.

МОГ ЛИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВ БЫВАТЬ В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ?

Отвечая на этот вопрос, обратимся к одному из хрестоматийных лермонтовских образов. Парус, бегущий по волнам, неоднократно вызывал интерес у исследователей творчества поэта. Восхитившись его оригинальностью, наполнив его ветром мятежности, они вдруг дружно пришли к счастливому открытию – строка-то из известнейшего стихотворения оказалась заимствованием из текстов А. А. Бестужева-Марлинского. С этим утверждением трудно не согласиться. Тем более что в последнее время иные исследователи (А. Хвалин) прямо-таки с азартом перечисляют сходные реминисценции и интерполяции, появившиеся в произведениях М. Ю. Лермонтова, вследствие его неподдельного интереса к творчеству Бестужева.

А. А. Бестужев-Марлинский.
«Андрей, князь Переяславский»,
I глава
1828 г.

М. Ю. Лермонтов.
«Кавказский пленник», 1828 г.

Хребта Карпатского вершины
Пронзали синеву небес,
И оперял дремучий лес
Его зубчатые вершины.
Обложен степенями гор,
Расцвел узорчатый ковер.

Хребта Кавказского вершины
Пронзали синеву небес,
И оперял дремучий лес
Его зубчатые стремнины.
Обложен ступенями гор,
Расцвел узорчатый ковер.

Даже не совсем удобно цитировать. Того и гляди, обвинят нашего любимого поэта в плагиате. И не только на уровне презентации образа, но и в отношении появления самого образа решается всё достаточно просто: Лермонтов заимствовал из поэмы А. А. Бестужева-Марлинского «Андрей, князь Переяславский» первую строку:

Белеет парус одинокий,
Как лебединое крыло...
А. А. Бестужев.

Отсюда вывод: своё шедевральное стихотворение Лермонтов пишет, оттолкнувшись именно от строки А. А. Бестужева. При этом исследователи совсем не задаются вопросом: «А, может быть, и сам поэтический образ, заключённый в нём, ассоциировался у поэта именно с Бестужевым-Марлинским?». Возможно отсюда и наполнение этого образа мятежным содержанием? Тем более что и мятежность, и литературное открытие Кавказа были так созвучны самому Лермонтову....

В лермонтовское время популярность А. А. Бестужева была невероятной. Издания его книг, по выражению В. Г. Белинского, «таяли на полках, как подмоченный сахар». И. С. Тургенев признавался, что когда-то в молодости «целовал имя Марлинского на обёртке журнала». А. А. Бестужева даже называли в своё время вторым Вальтером Скоттом. Так же, как шотландский писатель, открывший миру образ горца своей страны, он привлёк внимание к гордым и независимым жителям Кавказа. М. Ю. Лермонтов с детских лет с увлечением читал и то, и другое. История страны его предков перекликалась с романтическим образом Кавказа. Вальтер Скотт вступал в творческий диалог с А. Бестужевым, судьба которого напоминала авантюрный роман.

Участник декабрьского вооружённого восстания, Бестужев, переведённый из сибирской ссылки рядовым в войска Кавказского корпуса, сумел вернуться к литературной деятельности и печатал в столичных журналах повести и рассказы под псевдонимом Марлинский. Его несомненно талантливые произведения открыли русскому читателю Кавказ в его романтическом ореоле. Когда лермонтовская «Бэла» появилась на страницах «Отечественных записок», Белинский писал: «Чтение прекрасной повести г. Лермонтова многим может быть полезно ещё и как противоядие чтению повестей Марлинского». То есть, М. Ю. Лермонтова сравнивали с

Марлинским, но и влияние на поэта произведений Бестужева-Марлинского было огромным.

Действительно, Лермонтов заимствует первую строку из поэмы А. А. Бестужева-Марлинского «Андрей, князь Переяславский». Но тогда логично посмотреть на изображения самого Переяславля (Переславля-Залесского), этого древнерусского города, стоящего на берегу Плещеева озера. И тут нас ждёт поразительное открытие! Слукавит тот, кто скажет, что непохож изображённый М.Ю. Лермонтовым пейзаж на окрестности Переяславля. Здесь совпадает всё: и тёмный цвет воды похожего на море Плещеева озера, и высокий берег, и стоящие на нём постройки старинного города....

Получается, что М.Ю. Лермонтов был в Переяславле?! На сегодняшний день мы не располагаем сведениями о его посещении этого древнерусского города, хотя он находится всего в каких-нибудь 140 км. от Москвы. Но не обратить внимания на сходство изображений мы не можем. Тем более что на этот сравнительный анализ нас подтолкнуло логическое рассуждение о том, как развивался образ лермонтовского паруса в его живописном и поэтическом творчестве.

Итак, мы можем сделать по рисунку поэта собственное предположение. Наша версия такова: на рисунке М.Ю. Лермонтова изображён древнерусский город Переяславль и Плещеево озеро – место действия поэмы А. А. Бестужева-Марлинского «Андрей, князь Переяславский», откуда юный поэт заимствует первую строку при написании своего стихотворения «Парус». Образ паруса при этом сливается у Лермонтова с образом самого Бестужева, он становится одиноким и мятежным.

Поэма А. А. Бестужева-Марлинского «Андрей, князь Переяславский» была впервые опубликована в 1828 г. Раньше с ней юный Лермонтов познакомиться просто не мог. Хотя впервые образ паруса у него появляется ещё в 1825 г. Мы знаем об этом благодаря детскому рисунку поэта, созданному на Горячих Водах.

Известно также, что юный Лермонтов принимал

участие в паломничествах. Например, он принимал участие в паломничестве Е. А. Арсеньевой и своих кузин в Троице-Сергиеву лавру. Выходили пешими из подмосковного Середникова, путешествие длилось несколько дней. Вот, что вспоминает об этом мемуаристка Е. А. Сушкова:

«На четвертый день мы пришли в Лавру изнуренные и голодные. В трактире мы переменили запыленные платья, умылись и поспешили в монастырь отслужить молебен. На паперти встретили мы слепого нищего. Он дряхлую дрожащею рукой поднес нам свою деревянную чашечку, все мы надавали ему мелких денег; услыша звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: «пошли вам бог счастье, добрые господа; а вот наемни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!».

Помолясь святым угодникам, мы поспешно возвратились домой, чтоб пообедать и отдохнуть. Все мы суетились около стола, в нетерпеливом ожидании обеда, один Лермонтов не принимал участия в наших хлопотах; он стоял на коленях перед стулом, карандаш его быстро бегал по клочку серой бумаги, и он как будто не замечал нас, не слышал, как мы шумели, усаживаясь за обед и принимаясь за ботвинью. Окончив писать, он вскочил, тряхнул головой, сел на оставшийся стул против меня и передал мне нововышедшие из-под его карандаша стихи: "У врат обители святой..."»¹.

Почему мы не можем предположить, что поэт со своей набожной бабушкой посетил также и Переславль-Залесский – город Ярославской области, славившийся своими многочисленными монастырями, привлекавшими внимание своей самобытной красотой? Тем более, что здесь в своё время находилась Переславская епархия, образованная в 1744 году (правда, упраздненная в 1788 году Высочайшим указом). Можно, конечно, предположить, что Лермонтов рисовал этот древнерусский город по одной из старинных гравюр. Но всё-таки, глядя на рисунок поэта, возникает ощущение, что вид взят с натуры. Да и подобная гравюра не была обнаружена нами....

Таким образом, нам бы хотелось обратить внимание исследователей на приведённую выше аналогию, пригласить их к конструктивному диалогу. Упомянутый нами в данной статье акварельный рисунок поэта, конечно, постоянно попадает в поле зрения исследователей различного уровня. Москвичи пытаются доказать, что на нём изображена Москва, жители Санкт-Петербурга видят в нём северную столицу России. Но будем откровенны – ни на Москву, ни, тем более, на Санкт-Петербург изображённый на акварели древний русский город не похож. Некоторые даже считают, что это – сказочный город. Мы же видим на нём характерный пейзаж Переяславля, считаем, что на лермонтовском изображении даже различимы отдельные исторические постройки этого города-сказки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Лермонтов, АН СССР, т. I, с. 149 и 410; Сушкова, с. 114-115.

ПРОЕКТ ПЕЧАТНОГО ИЗДАНИЯ
«ОБРАЗ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ, ПОРТРЕТЫ»
Почему я решил написать данную работу?!

Началось всё с запросов пользователей и сотрудников Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова на тему иконографии великого поэта. Листая страницы книг, журналов, сайтов, мы столкнулись с множеством портретов с изображением великого поэта.

Казалось бы, всё просто. Но, в большинстве источников нет, не корректная, или не полная, не актуальная информация о каталожных данных воспроизведённых портретов: ошибочно указаны или отсутствуют сведения о художниках, названии и (или) материалах работ, год или годы их создания, места хранения оригиналов, портреты представлены фрагментарно, в чёрно-белом исполнении и т. п.

Погрузившись в изучение иконографии великого поэта (печатных и электронных источников), можно констатировать, что

- репродукции портретов и информация о них распылена по множеству источников;

- портреты XIX нач. XX веков, оригиналы которых находятся в музеях по всей стране, публикуются, в основном, только в персонализированных музейных изданиях, в единичных подарочных книгах издательств, в книгах советского периода (фронтиспис, авантитул), наборов открыток, марок и т. д.;

- портреты XXI века, и вообще, можно посмотреть лишь в периодических изданиях (музейных журналах, каталогах, буклетах), в единичных подарочных книгах издательств, в сети Интернет;

- многие портреты находятся в частных коллекциях и собраниях по всему миру, являются собственностью художников. Они редко экспонируются, их редко можно

увидеть в печатных изданиях и остаются неизвестными широкому кругу зрителей.

И тогда я решил написать книгу «Образ М. Ю. Лермонтова в изобразительном искусстве: Портреты», где впервые, в одном издании мне удалось собрать портреты великого поэта, начиная с XIX века по настоящее время. Я считаю, что только множественность образов одной персоны позволит зрителю получить максимально точное представление об облике портретируемого. В книге дана актуальная информация о каталожных данных работ художников, информацию о портретах, а также указаны печатные и электронные источники информации.

Наверное, рассматривая репродукцию картины, каждый из нас задумывался о том, кто такой автор, почему он решил обратиться именно к образу Лермонтова, это его единственное изображение великого поэта?.. Именно поэтому в книге представлены краткие биографические сведения о художниках, их значения и вклад каждого в становлении иконографии великого поэта.

Обращаю ваше внимание на то, что, хотя большинство портретов имеют описание, есть такие, где информация о них отсутствует. И это не ошибка составителя. Художники произведений предлагают зрителю самостоятельно проанализировать его работу, ведь информация о портретах не даёт точного описания работы художника, она направляет внимание на те ключевые моменты композиции, которые формируют будущий образ своим неощутимым присутствием в каждом произведении.

Книга адресована самому широкому кругу читателей, интересующихся иконографией великого поэта.

Актуальность моей работы не вызывает сомнений, так как образ М. Ю. Лермонтова интересовал художников, как при жизни, так и после смерти великого поэта.

Передо мной, как автором, не было такой задачи – собрать все изображения великого поэта, да это и невозможно. Цель издания – представить читателю максимально полное собрание портретов XIX века – это прижизненные и посмертные портреты; портретов XX и XXI

веков – это портреты, посвящённые памятным датам, ко дню рождения и смерти великого поэта, портреты для подарочных изданий, наборов открыток, марок и т. д.

Данное печатное издание содержит 96 портретов М. Ю. Лермонтова, выполненных в разной технике (масло, акварель, графика) и представленных работами художников XIX–XXI веков.

В издании размещены более 60 иллюстраций в хронологическом принципе: по дате создания портретов, как представление облика поэта во времени, даны краткие биографические сведения о художниках, информация о портретах, печатные и (или) электронные источники их изображений. Издание имеет параллельный перевод на английский язык.

Листая страницы данного издания, у читателя есть уникальная возможность:

- посмотреть, как меняется образ великого поэта в творчестве разных художников с XIX века по настоящее время;
- как часто вам приходилось в музеях или печатных изданиях посмотреть несколько картин одного художника с изображением одного персонажа или сюжета?! В этом издании предлагаю Вам посмотреть на образ Лермонтова глазами художника на разных этапах его [художника] творчества;
- вне рамок печатного издания, посмотреть на один облик поэта в творчестве разных художников.
- составить свой неповторимый образ великого поэта.

Каждый портрет, опубликованный в издании – не только изображённый художником внешний облик поэта, это знакомство с его жизнью, характером, внутренним миром чувств и мыслей.

Внешность и характер М. Ю. Лермонтова художники изображают по-разному: одни писали его с огромной головой, большими глазами, широким, но не высоким лбом, другие отмечали выдающиеся скулы, узкий подбородок, реденькие усики, коротко стриженные волосы. Кому-то он казался сосредоточенным, холодным, надменным, раздражительным,

других поражала живость, чувственность, мечтательность поэта. По репродукциям можно проследить изменение представлений об облике поэта, а это — отражение времени.

В издании содержится более 60 цветных репродукций с портретами поэта, начиная от всемирно известного прижизненного портрета великого русского поэта кисти Петра Ефимовича Заболотского (1837), – до самых новых портретов Лермонтова, созданных отечественными художниками в 2014 году из собраний Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова (Пятигорск), Ставропольского краевого музея изобразительных искусств (Ставрополь), Кабардино-Балкарского музея изобразительных искусств имени А. Л. Ткаченко (Нальчик), Государственной Третьяковской галереи (Москва), Государственного Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы» (Лермонтово, Пензенская область), Тамбовской областной картинной галереи, Саратовского областного музея краеведения, Галереи искусств «Эстетика» (Саратов), Московской государственной картинной галереи Народного художника СССР Ильи Глазунова, Объединения государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области, Российского государственного архива литературы и искусства (Москва), Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова Централизованной библиотечной системы города Ярославля и личных собраний художников проекта.

Данное издание наглядно демонстрирует отсутствие единого «канонического» образа великого поэта. Но, несмотря на это, все работы ценны тем, что нет даже отдалённо похожего видения этой выдающейся личности, в чём прослеживается стремление мастеров «прожить» этот образ по-своему, словно сказать: «Это МОЙ Лермонтов».

Множественность образов Лермонтова в изобразительном искусстве – портретах – приоткрывают созерцателям и черты прожитых эпох. И эта связь времён замечательна по сути своей. Мысль о том, что Лермонтов является крепким звеном, связывающим поколения из разных столетий, позволяет гордиться нашими культурными корнями.

Я считаю, что сам по себе представленный проект в какой-то степени уникальный. Каждый читатель сможет ощутить своё присутствие сразу в двух столетиях: в книге встретились изображения Лермонтова, выполненные мастерами – современниками поэта, и работы, созданные после его ухода из жизни. Есть и копии с известных портретов Лермонтова неизвестных мастеров (литографии, фототипии, все виды гравюр) и копии признанных художников, гравёров, подтверждающие их истинную популярность во все времена. Почувствуйте себя в роли искусствоведа: смотрите портреты, прослеживайте собственные тенденции, делайте выводы. Откройте для себя «Своего Лермонтова»!

Реализуя этот проект в виде печатного издания, я надеюсь, что эта книга послужит основой для обсуждения и дальнейшего развития данной проблематики.

**«ВЗГЛЯНИ НА ЭТОТ ЛИК; ИСКУССТВОМ ОН
НЕБРЕЖНО НА ХОЛСТЕ ИЗОБРАЖЕН...»**

Очерк из истории одной из екатеринбургских библиотек

Прошлый 2014 год был отмечен особой датой – 200-летним юбилеем великого художника – поэта, писателя, драматурга, живописца, философа – Михаила Юрьевича Лермонтова. Праздничные мероприятия проходили по всей стране. Широко праздновалось это событие и в столице Урала. Жителям и гостям Екатеринбурга запомнились тематические выставки в Екатеринбургском музее изобразительных искусств, музее «Литературная жизнь Урала XIX века», при поддержке Министерства культуры Свердловской области в Доме Кино был представлен любопытный аудиовизуальный проект «Следующая остановка «Год Лермонтова», а новым театральным постановкам рукоплескали сотни зрителей.

Действительно, имя Лермонтова бьётся в самом сердце России, несмотря на то, что в городе на границе Европы и Азии поэт никогда в жизни не был. И, тем не менее, лермонтовский свет живёт и на земле уральской, хоть эта жизнь тиха и не заметна на первый взгляд. Словно этот свет есть, но постоянно прячется за пёстрой суетой повседневной жизни, как солнечный луч за облаками. Казалось бы, что может напоминать о Лермонтове в Екатеринбурге? В первую очередь, научные труды о его жизни и творчестве представителей Уральской лермонтоведческой школы (Т. М. Аболина, С. И. Ермоленко, О. В. Зырянов), Лермонтовская конференция, традиционно проводимая в рамках Дергачёвских чтений при поддержке Уральского Федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральского педагогического университета и Объединённого Музея писателей Урала. Кроме того, в Екатеринбурге установлен памятник Лермонтову на улице Ткачей. Его имя носит улица (до 1930 г. 1-я Мельковская).

Это одна из старейших улиц города, возникла в первой половине XVIII века. На плане Екатеринбурга 1810 года улица уже являлась одной из трёх главных улиц Мельковской слободы. Впоследствии была переименована в честь великого поэта и сейчас уютно располагается почти в сердце города. Впрочем, тихая, окружённая домами в стиле сталинского неоклассицизма, маленькая, протяжённостью всего около 170 метров, она скорее теряется среди пёстрой архитектурной застройки, кажется теперь неприметным переулком рядом с небоскрёбами из стекла и бетона. Увы, совсем немногие екатеринбуржцы могут ответить на вопрос, есть ли в их городе улица М. Ю. Лермонтова и где она находится. А, между тем, улица расположена в историческом центре города параллельно парадным проспектам гостевого маршрута, как укромный уголок среди суеты шумного мегаполиса. Однако сегодня хотелось бы прогуляться по другому маршруту и заглянуть в библиотеку (пер. Симбирский 7), которая долгие годы носила имя Михаила Юрьевича Лермонтова.

Немногие знают о существовании в Екатеринбурге библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, лишь некоторые коренные жители микрорайона Уралмаш, который строился в 1930-е годы как соцгородок при предприятии с мировой известностью – Уральском заводе тяжёлого машиностроения. В архивном альбоме читаем: «Библиотека им. М. Ю. Лермонтова основана в 1949 году в доме индивидуального застроя. Фонд её на 1.01.1950 составлял 3813 экз., читателей – 1670 чел. В 1967 году библиотека была переведена в здание филиала библиотеки НИИ ТЯЖМАШ. Соединились книжные фонды двух библиотек. На 1.01.1970 книжный фонд библиотеки составляет 80375 экз., читателей – 8843 чел., в том числе детей – 3064 чел.». Библиотека к этому времени уже имела довольно просторный колонный читальный зал, абонемент, детский отдел, здесь проводились различные литературно-музыкальные гостиные, выставки, лекции, мероприятия, несомненно, в духе политического строя того времени, отмечались праздничные даты. Известный краевед, научный сотрудник музея истории Уралмашзавода, лауреат Чупинской медали Сергей Степанович Агеев так вспоминает

это место в родном районе: «В Лермонтовку я ходил с детства, сколько себя помню. Она славилась наличием редких изданий, которые порой трудно было найти даже в Свердловской областной универсальной научной библиотеке им. В.Г. Белинского – крупнейшей по сей день в области. И это применительно не только к художественной литературе. Например, редкие книги по физиологии высшей нервной деятельности, нужное мне собрание сочинений И. П. Павлова я нашёл именно в Лермонтовке. Редкость, тайность, уникальность – вот что отличает места, связанные с именем этого поэта».

В 1990-е гг. библиотека сменила заветное имя, став одним из трёх филиалов Библиотеки Главы города. Это особое подразделение, курируемое екатеринбургской мэрией, по-прежнему собирало в своих стенах любителей искусств: активно организовывались выставки детского рисунка, познавательные игры и чтения, для старшего поколения проводились концерты и презентации новых книг, на литературно-музыкальных представлениях выступали поэты, певцы и композиторы, хорошо известные в родном Екатеринбурге и за его пределами. Одно из таких мероприятий – презентацию собственной книги стихов – посчастливилось в стенах библиотеки проводить и мне. В рядах почётных гостей – депутаты Городской Думы и уральские поэты, музыка, стихи, благодарные зрители, вспышки фотокамер... Казалось, всей этой пестроты не замечает лишь один человек. Он скромно спрятался у стены за колонной и оглядывает нарядную толпу задумчиво и слегка скептически, словно предчувствуя скорые грустные перемены в своей библиотечной обители, ведь его портрет – и так едва ли не единственное напоминание о том, что библиотека когда-то долгие годы носила его имя. Звучат финальные аккорды, аплодисменты наполняют читальный зал, а взгляд человека с портрета словно молчаливо говорит:

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее - иль пусто, иль темно...¹

Девять лет промелькнули незаметно, и работы над научными исследованиями жизни и творчества М. Ю. Лермонтова в культурологическом ключе привели меня снова в этот литературный уголок. Каково же было моё разочарование, когда вместо светлого читального зала, ярких выставок и толпы читателей и зрителей я обнаружила почти пустые стены, холодные, тускло освещённые помещения, а среди когда-то богатой подборки трудов по лермонтоведению нашла лишь пару-тройку книг о Лермонтове для школьников! А где же портрет? Встречи с ним я ждала больше всего, но стена за колонной была пуста. На мои вопросы долго пожимали плечами: «Мы ничего об этом не знаем, все, кто работал тут до нас – «иных уж нет, а те далече». Полгода я не оставляла надежду на успех в поисках портрета и порядком измучила коллектив сотрудников библиотеки, пока наконец в юбилейном октябре 2014 года он не был найден и из тёмных лабиринтов книгохранилища явился на свет.

Передо мной предстала копия, вероятнее всего, написанная по памяти, с картины Ф. О. Будкина «М. Ю. Лермонтов в вицмундире лейб-гвардии Гусарского полка» (холст, масло, 1834 г.), ныне хранящегося в Институте Русской Литературы РАН в Санкт-Петербурге. Однокурсник Лермонтова, товарищ по школе юнкеров вспоминал: "В самом конце 1834 г. он был произведен в корнеты. И через несколько дней по производстве он уже щеголял в офицерской форме. Бабушка его Е. А. Арсеньева поручила тогда же одному из художников снять с Лермонтова портрет. Портрет этот, который я видел, был нарисован масляными красками, в натуральную величину по пояс. Лермонтов на портрете изображен в вицмундире гвардейских гусар, в корнетских эполетах; в руках треугольная шляпа с белым султаном, какие тогда носили кавалеристы, и с накинутой на левое плечо шинелью. С бобровым воротником. На портрете этом, хотя Лермонтов был немного польщен, но выражение глаз его и турнюра его схвачены были верно".² Некоторые исследователи (И. Зильберштейн, И. Шинкаренко, Эйхенбаум) приписывают авторство оригинала П. Захарову, указывая временем создания 1838 год. Однако, Н. П.

Пахомов, автор монографии "Лермонтов в портретах", приписывает авторство Будкину Ф. О., т.к. этот автопортрет был документирован в описи выставки 1905 г. в Таврическом дворце, руководствуясь надписью на обратной стороне холста: "Писал Будкин. 1834 г.».

Что касается исполнителя копии, то удалось выяснить, что им является Павел Сергеевич Чуваргин (1921–2013) – известный уральский художник, член Союза художников РСФСР, автор десяти персональных выставок, кавалер Ордена Великой Отечественной войны I степени и медали «За отвагу». Примечательно, что никто из сотрудников и членов администрации библиотеки (а ныне это уже Библиотечный Центр «Екатеринбург») не был знаком с историей портрета и личностью его создателя. А, между тем, живопись Павла Чуваргина относится к лучшим образцам реалистической уральской школы, с ее традиционными темами, как, например, живописный портрет под названием «Дед. Ровесник века», ставший символом всего пережитого русским человеком в двадцатом веке, чему свидетелем является и сам художник. Художественному миру Урала Чуваргин известен, прежде всего, как пейзажист, в произведениях которого воплощены живые образы уральской природы, его картины очень искренни, а динамичный и широкий мазок всегда точно передает непосредственное состояние и настроение, превращая мимолетное и изменчивое во вневременное.

Копия портрета Лермонтова кисти Чуваргина, на первый взгляд, выглядит ученической работой и заметно проигрывает в художественном плане оригиналу. Изображение фигуры портретируемого слегка усечённое, в руке отсутствует треуголка, не совпадает количество пуговиц, а один из эполет прописан под неверным углом наклона. Лицо поэта также имеет особенности относительно портрета Ф. О. Будкина. В частности, высота лба гротескно увеличена. Действительно, Лермонтова отличал высокий, открытый лоб, и с точки зрения авторского отношения к портретируемому более прав Чуваргин, однако, как снимающему копию с оригинала, а не создающему произведение самому, художнику следовало бы точнее и бережнее передать

изображение относительно именно работы Будкина. При этом следует подчеркнуть то, что уральскому мастеру несомненно удалось передать особенность загадочного лермонтовского взгляда. И. Л. Андроников писал о том, что во взгляде самого Лермонтова на всех портретах «постоянно чувствуется присутствие мысли».³ И отраднo, что при изображении Лермонтова Чуваргиным это присутствие мысли не потерялось, а бережно было перенесено на холст, вернее сказать, художник заново вдохнул жизнь в этот сложный, многогранный образ.

Каким Лермонтов был на самом деле? Об этом нам может рассказать целая галерея его портретов, только 15 из которых – прижизненные (весьма приличная цифра при учёте трагической жизни поэта: ссылки, военные походы, ранняя гибель). Однако брать за эталон какое-либо из изображений в высшей степени бессмысленно. «Ни один портрет Лермонтова, взятый отдельно, – пишет В. Мануйлов, – не даёт исчерпывающего представления о внешнем облике, о глубине и многогранности внутреннего мира гениального поэта. Но в совокупности, созданные профессиональными художниками, эти портреты всё же дают конкретное представление о наружности Лермонтова».⁴ И. Л. Андроников писал: «...Если мы обратимся к воспоминаниям о Лермонтове, то сразу же обнаружим, что люди, знавшие его лично, в представлении о его внешности совершенно расходятся между собой... Не только внешность, но и характер его современники изображают между собой так несхоже, что временами кажется, словно речь идёт о двух разных Лермонтовых... Очевидно, Лермонтова можно было представить себе только в динамике – в резких сменах душевных состояний, в быстром движении мысли, в постоянной игре лица...».⁵

Из-за неправильных условий хранения картина находится в удовлетворительном состоянии, видна деформация холста, особенно в верхней правой четверти полотна, саржевое переплетение местами истёрто до подмалёвка и даже до грунта, в нижней половине холста видны осыпи красочного слоя, работа покрыта сеткой

кракелюра. Вместе с этим, явно заметно, что картина поновлялась, бросаются в глаза досадные неудачи реставрации. Портрет, очевидно, был изрядно помыт от потемневшего лака, почти по всей поверхности смыты верхние слои живописи, мало цветовой рефлексии в тех местах, где ей непременно следует быть, уже хотя бы потому, что таковая передана в оригинале. Почти нет бликов, портрет выглядит так, словно Лермонтов смотрит на нас, окутанный туманной дымкой времени, в чём, впрочем, есть особый атмосферный шарм. На тонко, чётко прописанные художником черты лица, особенно на щёки, усы и губы, местами очень густо, пастозно наложены реставрационные мазки. С течением времени и от разницы в плотности состава красок они свернулись, образовав уродливые выступы, подтёки и пятна. Заметно, что портрет оживлялся «на скорую руку» реставратора-непрофессионала. Но, несмотря на все временные дефекты, несомненно, главное в другом:

Поэта строгий и печальный взгляд
Горит огнём, как много лет назад...⁶

Моя встреча с портретом после долгих поисков состоялась 17 октября 2014 г., ровно в день его 59-летия (на подрамнике стоит дата исполнения – 17 октября 1955 г.). Таким образом, нынешний октябрь для него шестидесятый, юбилейный. Написан портрет был тогда ещё молодым, 34-летним Чуваргиным, выпускником Свердловского художественного училища им. И. Шадра специально для библиотеки им. М.Ю. Лермонтова в период его работы в Свердловском отделении Мастерских Художественного фонда РСФСР, благодаря архивам которых и удалось найти много информации относительно этой картины и творческой биографии самого художника. Таким образом, портрет, с нашей точки зрения, не представляет особой художественной ценности, а интересен, прежде всего, как неизвестная работа молодого на тот момент, а ныне известного уральского живописца, и как портретная работа художника-пейзажиста. Кроме того, вновь обрётённый библиотекой из собственных

недр портрет стал толчком к развитию социально-культурной работы с посетителями, к стремлению вернуть библиотеке изначально данное ей имя великого русского поэта.

Администрация и весь коллектив бывшей библиотеки имени М. Ю. Лермонтова не теряет надежды вернуть ей первоначальное имя и связать тесным образом дальнейшую её социально-культурную деятельность с именем великого поэта, однако, городскими властями пока эти прошения упорно игнорируются. На данный момент помещения библиотеки находятся в аварийном состоянии, а денежных средств на ремонт и новое оборудование муниципалитетом не выделяется. Книжный фонд не пополняется, мероприятия вот уже около пяти лет проводятся лишь по внутренней инициативе, вместо ожидаемого возвращения библиотеке имени Михаила Юрьевича Лермонтова ей как подразделению библиотечного Центра «Екатеринбург» присвоен номер – сухое, инвентарное «Филиал № 2».

Но не только коллектив сотрудников библиотеки всеми силами стремится к возвращению лермонтовского имени как знака памяти о нём и почтении. Данную акцию поддержали и горожане. Примечательно, что в Екатеринбурге вот уже шесть лет ведёт свою деятельность «Клуб Михаила Лермонтова», инициатором создания которого стала Валентина Михайловна Константинова, объединив в нём почитателей творчества великого русского поэта. Влюбившись в лирику Лермонтова с детства, екатеринбурженка пронесла страсть к образу великого поэта через всю свою жизнь, несмотря на то, что в основной своей профессии между физикой и лирикой выбрала первое, окончив физмат УрГУ им. А.М. Горького, посвятив себя преподаванию на кафедре общей и молекулярной физики.

За свою жизнь, а сегодня Валентине Михайловне 84 года, она собрала хорошую библиотеку изданий прозы и стихов поэта, книг о жизни и творчестве классика, открыток, часть из которых собирали ещё её родители. Особое место в коллекции занимают портреты классика и уменьшенные копии памятников. Создательница лермонтовского клуба рассказала, что «в детстве жила на улице Профессорской,

недалеко от Ольги Веселкиной, родственницы Лермонтова по материнской линии, фрейлины императрицы Александры Фёдоровны. Та возглавляла кафедру иностранных языков в УГТУ-УПИ. Квартира Веселкиной была на первом этаже, и летом в открытое окно можно было увидеть на стене подлинный портрет Лермонтова, написанный в 1834 году».⁷

Совсем обидно стало Константиновой за поэта, когда она узнала, что в Екатеринбурге есть клуб Пушкина, и решила, что объединит вокруг себя любителей Лермонтова. Заведующая библиотекой имени К. Паустовского Ирина Урусова приютила клуб и приняла самое деятельное участие в его организации. На первое заседание пришло 13 человек – врачи, социальные, библиотечные и научные работники. Сегодня в составе клуба более 40 постоянных членов. Темы литературных заседаний разнообразны: «Музы поэта», «Лермонтов и декабристы», «Война 1812 года», «Михаил Лермонтов и Михаил Врубель», «Они – из рода Лермонтовых». Здесь делятся своими впечатлениями от посещения лермонтовских мест, читают его стихи, обсуждают публикации литературоведов, говорят о созвучности его произведений нашему времени.

К 200-летию со дня рождения Михаила Лермонтова Валентина Константинова на свои деньги и при спонсорской поддержке издала небольшой сборник «Уральский венок М. Ю. Лермонтову». В нём опубликованы стихи Венедикта Станцева, Бориса Марьева, Льва Сорокина, Бориса Аболина, Виктора Харитонova – всего 29 авторов. Также в городском информационном библиотечном Центре «Екатеринбург», правда, не в бывшей библиотеке им М. Ю. Лермонтова (пер. Симбирский 7), а в главном здании (ул. Мамина-Сибиряка 193) «Клубом Михаила Лермонтова» была организована большая выставка, куда вошли репродукции портретов Лермонтова, наборы советских открыток, вырезки из газет и журналов, редкие дореволюционные книжные издания, одно из которых - подарочный «Демон» 1887 года. Особая витрина была посвящена Лермонтову-художнику. Это репродукции 14 картин маслом, широко представлена литература на разных языках, в том числе на английском. Переводы сделал уралец

Александр Калужский. Важное место отводилось родословной поэта, из которой узнаем еще об одной его уральской родственнице — Ирине Лермонтовой. Ныне она живет в Уфе и носит звание заслуженного работника культуры Башкирии.

На сегодняшний день жители столицы Урала активно борются за то, чтобы увековечить имя Михаила Лермонтова и в своём родном городе, прикоснуться к его вечно актуальному, наполненному особым философским смыслом творческому наследию и отдать дань памяти этому великому человеку – молодому 26-летнему мальчику, короткая жизнь которого пронеслась вихрем стремительных событий, разделив XIX век на «до» и «после», а богатое, многогранное творчество, сверкнув ослепительной звездой, осветило собой весь дальнейший путь русской литературы, а, может быть, и художественной культуры в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2 т. – М., 1988. – Т. 1. - 720 с. – С. 168.
2. Лермонтовская энциклопедия / под ред. В. А. Мануйлова. М. : Советская энциклопедия, 1981. - 784 с. – С. 418.
3. Андроников И. Л. Образ Лермонтова / И.Л. Андроников // Сочинения : в 2 т.: Т.1. / М.Ю. Лермонтов. М., 1988. С. 5 – 18.
4. Лермонтовская энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия, 1981. – 784 с.
5. Андроников И. Образ Лермонтова // Сочинения / М. Ю. Лермонтов. – М., 1988. – Т. 1. - 720 с.
6. Улитина Н.М. Человек со старого портрета: поэма посвящена М.Ю. Лермонтову / Наталья Улитина // Творчество юных, литературно-художественный журнал благотворительного фонда «Нить», Санкт-Петербургского отделения Союза Писателей России и Профессионального союза писателей Санкт-Петербурга. №2 (19) 2006. С. 11-15.
7. Черемисина В. На гибель – и во славу / Валентина Черемисина // Уральский рабочий: электронный архив. Режим доступа: <http://uralsky-rabochi.ru/culture/11809/> Дата обращения: 25.07.2014 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андроников И. Образ Лермонтова // Сочинения / М. Ю. Лермонтов. – М., 1988. – Т. 1. - 720 с.
2. Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2 т. – М., 1988. – Т. 1. - 720 с.
3. Лермонтовская энциклопедия / под ред. В. А. Мануйлова. М. : Советская энциклопедия, 1981. - 784 с.
4. Улитина Н.М. Человек со старого портрета: поэма посвящена М.Ю. Лермонтову / Наталья Улитина // Творчество юных, литературно-художественный журнал благотворительного фонда «Нить», Санкт-Петербургского отделения Союза Писателей России и Профессионального союза писателей Санкт-Петербурга. №2 (19) 2006. С. 11-15.
5. Черемисина В. На гибель – и во славу / Валентина Черемисина // Уральский рабочий: электронный архив. Режим доступа: <http://uralsky-rabochi.ru/culture/11809/> Дата обращения: 25.07.2014 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТРАНИЦЫ ЯРОСЛАВСКИХ ЛЕРМОНТОВСКИХ ЧТЕНИЙ

«На randеву с читателем: групповой портрет в библиотечном интерьере» – так называется статья А. Разореновой, опубликованная в 1990 году в журнале «Библиотекарь» (№ 5, С. 62-68). После посещения Ярославля, отметив его достопримечательности, автор пишет: «Но есть в городе еще одно место, куда не проложил маршрут «Интурист», но очень важное для самих его жителей. Оно-то и позволяет, на мой взгляд, говорить сегодня о Ярославле как о «городе с физиономией». Речь идет о Центральной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова. Вдохновленная умением библиотечного коллектива слаженно трудиться, московская журналистка пишет статью, в которой отмечает достоинства каждого сотрудника библиотеки и сплоченность коллектива в целом.

Статья написана 25 лет назад. С тех пор в Лермонтовке накоплен немалый опыт международных связей, встреч с «интуристами».

Впервые Центральная библиотека имени М. Ю. Лермонтова принимала у себя иностранных гостей из Великобритании в рамках первых Шереметьевских чтений (26-27 сентября, 1998), посвященных 230-летию со дня рождения русской актрисы и певицы Прасковьи Ивановны Ковалевой-Жемчуговой, графини Шереметевой (1768-1803). В Ярославль приезжали прапраправнуки Прасковьи Ивановны Жемчуговой и Николая Петровича Шереметева (1751-1809): графиня Прасковья Петровна де Мазьер-Шереметева (Марокко) и ее двоюродный брат, Илларион Владимирович Голицын (Шереметев по матери), московский художник, академик живописи. В преддверии первых Шереметьевских чтений, 4 июня 1998 года, в Ярославле побывал граф Петр Петрович Шереметев (р. 1931), прапраправнук П. И. Жемчуговой и Н. П. Шереметева,

архитектор и меценат, ректор Парижской русской консерватории имени С. Рахманинова (Франция).

После в Лермонтовке были и другие встречи с иностранцами.

29 мая 1997 года появился «островок Англии в центре Ярославля» - Дом Дружбы «Ярославль-Эксетер». Рамки сотрудничества городов-побратимов с каждым годом расширяются и от этого «островка» в Лермонтовку ведут не зарастающие творческие «тропы». Интуристы из туманного Альбиона благодаря большому другу Центральная библиотека имени М. Ю. Лермонтова, члену Ассоциации «Ярославль-Эксетер», музыканту, педагогу, переводчице Иде Дмитриевне Добаржич, – желанные гости библиотеки. На литературных вечерах, в том числе и на Лермонтовских чтениях, звучит английская речь, звучат стихи великого Лермонтова в исполнении британских студентов. Настоящими друзьями библиотеки стали студенты факультета русской филологии **Оксфордского** университета, проходящие стажировку в ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Один из них, Фрэнк Пол (кстати, потомок известного основателя психоанализа Зигмунда Фрейда), посетил Центральную библиотеку имени М. Ю. Лермонтова 12 ноября 2009 года и подарил свой перевод поэтических строк великого поэта.

Начиная с 2000-го года ежегодно проводятся Лермонтовские чтения, сначала поддержанные администрацией Кировского района, а затем управлением культуры мэрии. Теперь чтения проводятся в рамках муниципальной программы «Развитие культуры в городе Ярославле». Они собирают литературоведов, историков, библиотекарей, поклонников творчества М. Ю. Лермонтова не только из Ярославля, но из самых разных уголков России и дальнего зарубежья.

Первые Лермонтовские чтения «Лермонтов и Ярославская земля» (16 октября, 2000) состоялись в год 45-летия Центральной библиотеки, даже раньше, чем в Санкт-Петербурге и Москве. А с 2009 года по аналогии с Петербургскими Лермонтовские чтения проходят в рамках Лермонтовских Дней в Ярославле, программа которых очень

насыщена и разнообразна.

Важным звеном в подготовке Лермонтовских чтений является переписка с их участниками, потенциальными докладчиками, в т. ч. с зарубежными адресатами.

Благодаря общению с сотрудниками Библиотеки Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, в частности, со старшим научным сотрудником Ольгой Валентиновной Миллер, у Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова появился новый адресат – японский лермонтовед Асута Ямадзи. Преподаватель русского языка Политехнического института г. Муроран, докторант университета Хоккайдо работал тогда над диссертацией «Иронический аспект в романе М. Лермонтова «Герой нашего времени», консультировался с библиографом-лермонтоведом О. В. Миллер (Санкт-Петербург). Ученица авторитетнейшего ученого В. А. Мануйлова Ольга Валентиновна полвека, с 1957 по 2008, заведовала Лермонтовским кабинетом Пушкинского Дома, составила самый обширный (в четырех книгах) Указатель, включающий всю литературу о М. Ю. Лермонтове, изданную как в России, так и за рубежом с 1825 по 2001 годы. Она-то и посоветовала молодому ученому обратиться к организаторам ярославских Лермонтовских чтений, т. е. в Центральную библиотеку имени М. Ю. Лермонтова Ярославля. В письме из г. Саппоро (Япония) были такие строки: «...я много лет изучаю Лермонтова, поэтому мне хотелось бы принять участие в конференции и слушать доклады лермонтоведов, а если возможно – выступить с докладом и послушать мнения других... С искренним уважением Ямадзи Асута» (27 мая, 2007).

Результатом переписки библиографа-краеоведа Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова Любови Владимировны Мельниковой с научным сотрудником Хоккайдского университета, ныне доктором филологических наук, преподавателем Международного Гуманитарного факультета Университета Тюкё (**Нагоя, Япония**) стал приезд в Ярославль на 7-е Лермонтовские чтения гостя из далекой Японии. С тех пор Асута Ямадзи – верный друг библиотеки, а его участие в 7-х, 8-х, 10-х, 14-х ярославских Лермонтовских

чтениях позволило считать их международными. Первое выступление Асуты Ямадзи на 7-х Лермонтовских чтениях произвело незабываемое впечатление на присутствующих. Доклад «Осмысление места и значения главы «Фаталист» в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» был прочитан с небольшим акцентом на хорошем русском языке, но некоторые вопросы участников чтений слегка смутили японского гостя. К 8-м Лермонтовским чтениям Асута Ямадзи основательно подготовил выступление на тему: «Интерес к произведениям Лермонтова в Японии» со списком переводов произведений М. Ю. Лермонтова на японский язык. На 10-х Лермонтовских чтениях Асута Ямадзи раскрыл «Функции образа коня в творчестве М. Ю. Лермонтова», а на 14-х – «Функции картин в неоконченных произведениях М. Ю. Лермонтова». Благодаря выступлениям гостя из Японии, его общению с читателями Центральной библиотеки страна восходящего солнца Япония стала для всех нас чуточку понятнее и ближе. Сотрудничество с Асутей Ямадзи было продолжено в Санкт-Петербурге, Пятигорске – центрах изучения творчества великого поэта.

В 2011 году велась переписка с лермонтоведом из итальянского города **Пизы** Алессандрой Карбоне. Встречи с ней состоялись в Санкт-Петербурге, в Пятигорске на международных Лермонтовских конференциях. Алессандра обещала приехать и в Ярославль, ее очень ждали, но личные обстоятельства (защита кандидатской и свадьба счастливой итальянки) отложили ярославские встречи на будущее. Напоминает об итальянском исследователе сборник «М. Ю. Лермонтов: между Западом и Востоком» с автографами трех авторов-лермонтоведов из России, Италии и Японии. Три исследования, представленные в книге, соединяет идея о многоплановости лермонтовского творчества. Создается удивительное чувство диалога с читателем. А понять коды «лермонтовского шифра» можно только с позиций, характерных и для европейской традиции, и для мудрой культуры Востока.

Дважды участвовал в Лермонтовских чтениях исследователь из **Израиля**, старший научный сотрудник

Международного института менеджмента ЛИНК, Моисей Маркович Харитонов (г. Беэр-Шева, Израиль). На Лермонтовских чтениях-2014 он обратился «К использованию личностного опыта М. Ю. Лермонтова в формировании идеологии современной израильской реформации», а на Чтениях-2013 в соавторстве с Ционом Шеплером, сотрудником Университета имени Бен-Гуриона, участником проекта Human Subjects Research Committee (г. Беэр-Шева, Израиль), прочитал доклад «Использование иудейских мотивов лермонтовской поэтики в развитии еврейской идентичности».

В истории Лермонтовских чтений есть страница, связанная с **Болгарией**.

Летом 2005 года в Центральной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова пришло письмо от жительницы города Варны Елены Петровны Риттер, волжанки по рождению. Из Волгограда, где жила раньше, она привезла и бережно хранит письма за период с 1939 по 1942 годы, адресованные ее бабушке, тогда молодой учительнице русского языка и литературы Клавдии Андреевне Жестовской. «Это необыкновенные письма необыкновенного человека. Стихи, музыка, творчество М. Ю. Лермонтова и не только, отношения человеческие, природа...». 58 писем в стихах и прозе из Пятигорска в Грозный от сотрудника музея Лермонтова Олега Пантелеймоновича Попова. «Мне открылся мир богатой необыкновенно человеческой души, история красивых отношений мужчины и женщины...». Порвать письма, как просила бабушка, Елена Петровна не смогла... Бабушка умерла в 1998 году, а в июне 2000 г. внучка навестила Домик-музей М. Ю. Лермонтова в Пятигорске...

«Я жить хотел, как ветер над волной...» – книга автора О. П. Попова, филолога, рыцарски преданного русской литературе и изучению творчества любимого Лермонтова, адресата и визави бабушки болгарки Е. П. Риттер. В сборник вошли стихи и поэма жителя поселка Семибратова Ярославской области, которые он сокровенно писал всю жизнь, и только после его кончины, впервые собраны

воедино. Книга вышла в Ярославле в 2001 году по инициативе и финансовой поддержке сотрудников Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова. А информация о состоявшейся в Ярославле ее презентации, о которой жительница Болгарии Е. П. Риттер узнала из интернета, и стала поводом для письма в ярославскую библиотеку.

Для читателей Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова по-новому открылась и загадочная страна **Индия**. В первую очередь, глазами знаменитого ярославца Герасима Степановича Лебедева (1749–1817) – незаурядного музыканта, путешественника, театрального деятеля, учёного-индолога, патриота России, который помнил о далёкой родине, заботился о её славе, процветании и в жаркой Африке, и в сказочной Индии, и в туманном Лондоне...

О разносторонне одарённом первопроходце не только среди россиян, но и среди европейцев, решившем осуществить мечту Петра Великого – провести в сказочную Индию русские торговые корабли, первым из русских попытавшемся проникнуть в тайны древней индийской математики и астрономии, написаны книги. В стенах Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова индийская тема звучала неоднократно.

В 2009 году ярославское издательство «Академия развития» («Академия 76») впервые переиздало книгу Г. С. Лебедева «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев» (1805), премьера которой состоялась 18 июня 2009 года в Центральной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова.

13 июня 2013 года директор издательства Михаил Александрович Нянковский презентовал новую книгу бенгальского ученого-филолога, поэта, писателя, литературного критика, профессора Хаята Мамуда «Герасим Степанович Лебедев» (Ярославль, 2012) и рассказал о своем участии в составе ярославской делегации в международном научном семинаре «Г. С. Лебедев и его наследие. Хроника индийско-российских отношений» в университете Калькутты (21–23 февраля, 2011, Индия, штат Бенгалия).

А двумя годами раньше, 15-16 декабря 2009 г. на международной научной конференции «Герасим Лебедев и его время» в Музее истории города Ярославля сотрудник Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова Ирина Хоновна Шихваргер познакомилась с профессором русского языка Калькуттского университета (**Калькутта, Бенгалия, Индия**) Арчаном Шаркарм и пригласила его на очередные Лермонтовские чтения. Завязалась переписка. Заочный доклад индийского гостя на Лермонтовских чтениях-2010 звучал так: «Лингвистический анализ стихов Лермонтова на уроках русского языка как иностранного».

Известно, что зарубежные поездки, участие в международных профессиональных мероприятиях доступны преимущественно для представителей крупных библиотек. Но у руководителя ЦБС города Ярославля и Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова Светланы Юрьевны Ахметдиновой есть такой опыт. Еще в 2002 году, после поездки в Вашингтон и штат Вирджинию (**США**) по программам «Российская лидерство» и «Управление библиотеками», делясь с коллегами о своем пребывании в США, она подчеркивала актуальность международного профессионального сотрудничества. Эту мысль подтвердил и международный семинар в Берлине (**Германия**), организованный институтом имени Гёте в Москве в июле 2011 года, когда в течение недели 12 руководителей библиотечных учреждений России и Белоруссии, в том числе и директор ЦБС города Ярославля, посещали разные типы немецких библиотек и делились собственным опытом. Во время этих международных поездок руководитель рассказывала о главных литературных проектах, включая Лермонтовские чтения.

Важным признанием ярославских чтений стало участие директора ЦБС в ноябре 2013 года на международной конференции «М. Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян» Института славяноведения РАН на ряду с российскими учеными России, Словакии, Словении, Сербии, Чехии, Белоруссии, Македонии. По итогам авторитетного форума вышел одноименный сборник со статьей

БИБЛИОГРАФИЯ

1. С. Ю. Ахметдинова // М. Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян. Сборник статей. - М. – 2016 . – с. 166 – 174.
2. Соснина, Е. Л. М. Ю. Лермонтов: между Западом и Востоком.– Ессентуки. – 2012.

ЛЕРМОНТОВСКИЕ ДНИ-2015 В ЯРОСЛАВЛЕ: ПОЕЗДКА В БОРИСОГЛЕБ И СЕМИБРАТОВО

Старт Лермонтовские дни-2015 в Ярославле был дан несколькими неформальными мероприятиями, в том числе – поездкой в Борисоглеб и Семибратово. Сотрудники Централизованной библиотечной системы города Ярославля отправились в особую поездку – по лермонтовским местам Ярославии.

Я буквально слышу недоумение некоторых читателей: какие лермонтовские места? Не бывал Михаил Юрьевич в этих краях. Да, это так. Зато здесь жил человек, которому мы все обязаны сохранением дома Лермонтова в Пятигорске, – Олег Пантелеймонович Попов. Но о нем я скажу позже.

А первой остановкой нашего путешествия стал другой небольшой городок земли Ростовской – Борисоглеб.

Это место связано с именем еще одного замечательного человека – поэта Константина Васильева, родившегося здесь, здесь жившего и здесь же и похороненного.

Казалось бы, ну какие открытия в наш-то век компьютерных технологий? Все и про всех всё знают. Но дело в том, что архивы и творческое наследие Васильева еще не до конца изучены, достаточно сказать, что из 8 тысяч стихов поэта опубликована едва ли тысяча. Кое-что вообще имеется лишь в рукописях, в единичном экземпляре. Нам повезло: хранитель квартиры-музея поэта (к слову, квартира-музей – филиал местной библиотеки) Людмила Владимировна Зверева прочла такие строки Васильева, которые мало кто слышал.

Она также позволила нам заглянуть в уникальные документы, полистать альбомы с фотографиями, старые газеты.

Мы узнали, что поэт, хоть и не имел литературного образования, все-таки был профессией своей направлен к

лирике, к стихам: Константин Васильев закончил естественно-географический факультет Ярославского педагогического института, увлекался орнитологией, прекрасно чувствовал и понимал природу. И потому-то так пронзительны и чисты его строки, посвященные родному краю.

*Я в плену, я в неволе
у себя самого.
Перейду это поле,
Не найду ничего.
И по краю, по краю,
где растет краснотал –
здесь я все растеряю,
чем вчера обладал.
Тихо вскрикнет пичужка,
вылетая на свет,
и лесная опушка
встрепенется в ответ.
Будет песнь разливаться
над землею моей –
но душа отзываться
не осмелится ей...*

Ну, а при чем тут Лермонтов, спросит въедливый читатель. А связь есть.

Во-первых, Константин дружил и тесно общался с Олегом Пантелеймоновичем Поповым. Олег Попов – личность уникальная. Научный сотрудник «Домика Лермонтова» в Пятигорске, он фактически принес себя в жертву ради музея, который в годы войны хотели сжечь немцы, оккупировавшие Кавказ.

Попов пошел работать в полицию, отстоял музей, но после войны был осужден как пособник гитлеровцев и много лет провел в лагерях, в Воркуте. После освобождения он не мог жить в крупных городах и выбрал Семибратово – небольшой поселок по дороге на Ростов.

В доме-музее К. Васильева хранится Лермонтовская энциклопедия с дарственной надписью: это подарок О.

Попова поэту; есть здесь и несколько писем из их переписки. Во-вторых, поэт поэта всегда чувствует особо, и Лермонтов Васильеву был интересен. А в-третьих, если уж уходить вглубь по литературоведческой тропе, то, пожалуй, вскроются и иные сходства и сродственности. Это и печаль, звучащая у обоих поэтов, ощущавших скоротечность жизни, и особый взгляд на русскую природу, и философские мотивы...

Обо всем этом мы и говорили, сидя за столом в уютной комнате, чьи стены помнят еще поэта. Вся обстановка тут – как это было при Васильеве, словно он никуда и не ушел, а вот-вот вернется в дом, сядет к теплой печке и задумчиво начнет тянуться пером к бумаге...

И приходят на ум строки, написанные другим поэтом о доме поэта другого – конечно же, Лермонтова:

*Мы в домик поэта зашли —
Ведь мы так давно его знали!
Мы в домик поэта зашли,
Но дома его не застали.
Лишь в маленькой комнатке той,
Что синею тенью одета, —
Лишь в маленькой комнатке той
Все чудится облик поэта.*

Разве он умер? Как это может быть, если монастырь по-прежнему стоит твердыней, а за окном дома, в саду, все также зреют яблоки? Ах, эти яблоки, остро пахнущие осенью, такие ароматные и вкусные, такие литературные!.. И приходит на память Чехов, почему-то с яблоками, не вишнями.

Может быть, потому, что у стен Борисоглебского монастыря, где мы побывали с экскурсией, мы купили местной антоновки? А именно антоновками звали поклонниц Антона Павловича.

И когда мы отдавали дань памяти Константину Васильеву на местном кладбище, к памятнику поэту рядом с красными гвоздиками и белыми хризантемами легло желтое антоновское яблоко, полное осеннего света и запаха, символ

жизни. Для таких поэтов, как Васильев, — жизни в вечности.

А на обратной дороге, проезжая через Семибратово, мы побывали на могиле и Олега Пантелеймоновича Попова, почтили его память, положив цветы к памятнику.

P.S. Кстати, об особых датах и поводах. Олегу Пантелеймоновичу Попову в этом году отмечают 100 лет, а Константину Васильеву – 60.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ЛЕРМОНТОВСКОМУ ВЕЧЕРУ

*Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана,
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.*

Если прочесть это маленькое, известное нам со школьных лет, стихотворение просто для себя... Прочесть не торопясь и услышать его собственным притихшим сердцем, то оно, это стихотворение, малая жемчужина великой русской поэзии, не отпустит так скоро. Незаметно и властно, очистив душу от мелкой шелухи, оно наполнит её воздухом тончайше-человечной небесной высоты...

Лермонтов, как и Пушкин, как и немногие другие истинно великие поэты, для нас, читающих на русском языке, – дар судьбы. Без Лермонтова мы могли бы никогда не услышать, как «звезда с звёздой говорит». Могли бы не увидеть зачарованным внутренним взором, как

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

Без Лермонтова мы могли бы не испытать потрясающего перепада чувств. От гнева и презрения:

О, как мне хочется смутить весёлость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!...»

До светлого, детски-доверчивого состояния тихой молитвы:

«С души как бремя скатится,
Сомненье далеко –
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Давайте чаще читать Лермонтова! Давайте слушать его стихи! Помните, как писал он о судьбе своей поэзии?

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рождённое слово.

Давайте хотя бы на время заглушим в своей душе вездесущий «мирской шум», чтобы услышать и воспринять это действительно пламенное, обжигающее красотой лермонтовское Слово!

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АХМЕТДИНОВА Светлана Юрьевна, директор муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Ярославля»

БЕЛОВА Елена Александровна, библиотекарь Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Ярославля»

ГОЛОВАЧЕВА Алла Георгиевна, старший научный сотрудник отдела по изучению и популяризации творческого наследия А. П. Чехова в Театральном музее им. А. А. Бахрушина (Ялта, Крым)

КАЛИЧКИНА Тамара Игоревна, магистрант государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, научный сотрудник государственного музея Л. Н. Толстого (Москва)

ЛАНЦОВ Михаил Николаевич, библиограф Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Ярославля»

ЛЕВАГИНА Светлана Николаевна, ведущий методист Областной юношеской библиотеки имени А. А. Суркова (Ярославль)

НЕЧАЙ Светлана Дмитриевна, библиотекарь Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Ярославля»

САХАРОВА Оксана Викторовна, кандидат филологических наук (Липецк)

СОКОЛОВ-ЛЕРМОНТОВ Владимир Николаевич, преподаватель Ставропольского краевого художественного училища, член международной ассоциации «Лермонтовское наследие», эксперт комиссии по подготовке празднования 200-летия М. Ю. Лермонтова при МК РФ, автор книг и статей по истории русской культуры и русской армии, правнучатый племянник М. Ю. Лермонтова (Ставрополь)

СОСНИНА Екатерина Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент, член Московского межрегионального лермонтовского общества, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова (Пятигорск, Ставропольский край)

УЛИТИНА Наталья Михайловна, специалист уральского федеральный университет им. Первого Президента Росси Б. Ельцина (Екатеринбург)

ФИЛИППОВСКИЙ Герман Юрьевич, профессор, доктор филолог. наук ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (Ярославль)

ФОНДО Наталья Ивановна, главный библиотекарь Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Ярославля»

ШИХВАРГЕР Ирина Хоновна, методист Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Ярославля»

ЯБЛОНСКАЯ Елена Евгеньевна, писатель, Союз писателей России, Литературный институт им. А. М. Горького (Москва)

Спектр информационных ресурсов – для Вас!

- Фонд - 320 тысяч экземпляров документов на различных носителях
- Традиционные справочно-библиографические системы
- Электронные справочные системы «Консультант плюс», «Гарант»
- Электронный каталог новых книг
- Электронная картотека статей
- Wi-fi, Интернет, электронная почта
- Мультимедийная коллекция
- Сканирование и печать на цветном и черно-белом принтере
- Ламинирование и брошюрование
- Составление библиографических списков и дайджестов по запросам (по договору)
- Индивидуальное и коллективное информирование по определенной теме, новинкам
- Дни информации
- Презентации книг известных ярославских писателей

Директор	(0852) 21-07-34
Приемная	тел/факс (0852) 21-36-05
Информационный центр	45-86-98
Отдел обслуживания читателей	21-36-65
Абонемент	21-36-65
Читальный зал	45-75-17
Краеведческий сектор	45-75-17
Сектор массовой работы	45-77-86
Организационно-методический отдел	45-77-86
Отдел организации и использования единого фонда и межбиблиотечного абонемента	21-07-33
Отдел комплектования и обработки	21-07-33

Рады видеть Вас в главной библиотеке Ярославля!

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система
города Ярославля»

150049, г. Ярославль, проспект Толбухина, 11,
Центральная библиотека им. М. Ю. Лермонтова

Директор: 8 (4852) 21-07-34
e-mail foton@clib.yar.ru

www.clib.yar.ru

Составитель, отв. редактор: С. Ю. Ахметдинова

Дизайн обложки – Ланцов М. Н.
Дизайн вкладки – Белова Е. А.
Вёрстка – Ярославцева И. В.

Тираж 100 экз.

Отпечатано с предоставлением оригинал-макета
в типографии ООО «Канцлер»
150000, Ярославль, ул. Клубная, 4.